

18+

**Станислав
Хабаров**

**С высоты
птичьего
полёта**

Станислав Хабаров

С высоты птичьего полёта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50760552

ISBN 9785448313868

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга о совместном советско-французском космическом проекте – втором полёте француза на советской космической технике. О первом выходе француза в открытый космос и испытании французской техники, о буднях и праздниках объединённого интернационального коллектива специалистов.

Содержание

Вместо введения	5
8 июня 1986 года	7
Первые впечатления	17
Без иллюзий	25
Парижское золотое кольцо	37
Уроки французского	50
Тулуза – розовый город	54
Нотр-Дам проекта	63
Сиреневый в сумерках	66
Блоха, ха-ха-ха	73
Дни и ночи	81
И еще «дни и ночи»	87
Двадцать лет спустя	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

С высоты птичьего полёта

Станислав Хабаров

© Станислав Хабаров, 2020

ISBN 978-5-4483-1386-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это рассказ о втором полёте французского космонавта на советской космической технике. В этом полёте французские инженеры решили испытать собственную конструкцию, изготовленную знаменитой французской фирмой «Аэроспасиаль». Представляла она каркас рамочного устройства или антенны, распахивающихся в космосе. Такие крупно-габаритные конструкции (КГК), значительно больших размеров, уже успешно раскрывались в открытом космосе на советских орбитальных станциях, однако французские специалисты решили испытать свою и прибыли на орбиту с собственной КГК, как «в Тулу со своим самоваром». И вот что из этого вышло...

Вместо введения

У машиностроителей особенный язык. Сплошными линиями изображаются на чертежах видимые контуры. Штриховыми рисуется невидимое. Штриховые и сами по себе – дань условности: штрихи – видимое, паузы – скрытое, но по ним нетрудно представить целое, как при быстром движении через щелистый забор. Штрихпунктирные линии – служебные и выполняют роль осевых и центровых.

Работая над совместным проектом, специалисты двух стран знали друг о друге не всё. Мы виделись изредка, появляясь то в новом составе, то в новом качестве. Наши взаимные представления напоминали как бы штриховую линию со штрихами встреч и промежутками пауз, но с обязательным присутствием центровой. На совместном пути были свои радости и огорчения, заботы и сомнения.

Стартовые окна были для всех как бы ответом задачника, к которому нужно прийти. Дано: две страны со своими укладом и опытом. Требовалось доказать, что усилия стран можно и целесообразно сложить. Такая мысль присутствовала в головах, хотя и не произносилась вслух. Были обычные заботы и сроки.

Многое переменилось в те дни. Подготовка второго полета французского космонавта (1986—1988) совпала с розовым этапом перестройки. Мы вступили в нее с одного бере-

га жизни и вышли на изменившемся другом. Из засекреченной прежде организации попав во Францию, мы смотрели на всё буквально разинув рот. Очень многое, впрочем, мы вскоре встретили у себя, причем, как правило, неприглядное и в крайней форме.

«С высоты...» – дневниковые записи. Теперь в них многое хочется изменить. Легко стать мудрым задним числом. Но пусть все остается, как есть. Это заметки специалиста («специалист, как известно, подобен флюсу»). Объективную истину, возможно, ещё представят историки или литераторы. Здесь же всего лишь беглые впечатления, взгляд мимо-летом, со стороны, с высоты птичьего полета.

8 июня 1986 года

Итак, летим. Почти по Гоголю: моторы ТУ «дружно и разом напрягли медные груди...

и сам летишь, и всё летит...». Летим над Прибалтикой, морем, Европой. В ушах звучит почему-то голос Высоцкого: «...открыт закрытый порт Владивосток, Париж открыт, но мне туда не надо...».

Нет, надо. Именно туда, в Париж. Ведь этим рейсом летят в Париж участники работ по подготовке второго полёта советских и французских космонавтов.

Совсем недавно в круговерти текучки я с удивлением прочёл: «СССР – Франция: второй космический полет. В соответствии с договоренностью на высшем уровне, достигнутой во время официального визита во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, в президиуме Академии наук СССР 7 марта состоялось подписание протокола между советской и французской делегациями о подготовке к совместному пилотируемому полету. Вторую советско-французскую космическую экспедицию планируется провести в 1988 году на советском космическом корабле и орбитальной станции. Ученые обеих стран уже приступили к подготовке научной программы длительной экспедиции...».

Прочёл и вновь окунулся в водоворот крепко сцепленных

событий. Готовился эксперимент «Маяк». Космонавты собирались выйти в открытый космос и там, снаружи, на внешней оболочке станции, развернуть сложенную конструкцию. Работы эти планировались еще в ноябре прошлого года. Сомнений в их проведении тогда не было. Особенно надежным выглядел командир. Он был постарше, внимательный, всё быстро схватывал, как вынести и установить снаружи станции «бочку» «Маяка», а потом выдвинуть из нее ажурную раздвижную ферму и, когда платформа с приборами удалится на пятнадцать метров, начать многообещающий небывалый эксперимент.

Но расчеты расчетами, а жизнь жизнью. Заболел командир. Патронажные врачи, оказавшись в фокусе внимания, профессионально мудрили, монопольно владели связью с бортом. Нам, готовившим сложный эксперимент, доставались лишь крохи сеансов связи.

Именно тогда к зданию ЦУПа/1* подкатила длинная машина Генерального конструктора. Машину вежливо встретили. Незнакомого высокого мужчину в блестящем немнущимся костюме проводили в зал управления и усадили за пульт руководителя полётом. Началась очередная зона радиосвязи.

Мы сидели неподалеку, ожидая возможности вклиниться в разговор, и невольно все слышали. Переговоры велись по особому закрытому каналу, которым изредка пользова-

лись медики, обсуждая интимное с космонавтами.

– ... Послушайте, – говорил командиру незнакомый мужчина, – я вам обещаю, непосредственно сейчас и позже через виток боль уйдет... я буду думать о вас... я беру вашу боль на себя...

Деться нам было некуда, мы сидели и слушали. На Земле уверенно изрекал экстрасенс, а высоко в космосе, пролетая в эти минуты над страной, слушал, корчась от боли, командир. Облегчение не приходило.

И опять потянулось ожидание. Наконец, медики разрешили выход с непременным условием – командир останется в станции. За него выйдет Виктор Савиных из основного экипажа, не готовившийся к этому эксперименту. Потянулись дни подготовки. Мы обучали его по радио. Наступила последняя ночь. Завтра выход в открытый космос. И в эту последнюю ночь командир вроде почувствовал себя так плохо, что выход в космос был отменен, затем последовал и досрочный спуск.

Эксперимент удалось выполнить только через полгода и уже с другим экипажем. Космонавты Леонид Кизим и Владимир Соловьев с помощью бортовой телекамеры показали «лестницу» в небо. Решетчато-стержневая конструкция удалялась от станции в темноту космоса, а рядом с нею фигурки в скафандрах смотрелись космическими зодчими «эфирных поселений» по Циолковскому.

Организм мой болезненно переносит атмосферу кондици-

онеров. И тогда, пребывая сутками в искусственном климате ЦУПа, я охрип, осип и совсем лишился голоса, что мешало радиопереговорам и давало пищу незлобному юмору космонавтов и цуповского персонала, потому что переговоры, как правило, транслируются на весь Центр.

Накануне важных событий две комнаты Центра играют определяющую роль: в одной, попросторнее, вершится стратегия долгосрочного планирования, в другой верстается детальный суточный план. В зале работали женщины. Одна из них, очень молодая, с пуком поднятых над красивой шеей волос особенно бросалась в глаза. Была она в ЦУПе кем-то вроде стажера, потому что вместе с эксплуатируемой станцией «Салют» летала уже в космосе станция «Мир» и в Центре готовились к новой работе.

Увы, человек лишен непосредственного ощущения времени. По сумме внешних примет мы с удивлением отмечаем, как много уже прошло, и милые девушки, ступившие в ЦУП со студенческой скамьи, были подобной приметой времени. Все то, что до недавнего времени казалось способностью выдающегося ума, особой собранности, обширных конкретных знаний, теперь оказалось в руках молодого специалиста – профессионала. Другим путь сюда был извилист. Они выходили из проектантов или телеметристов или летописцев бортовой документации. И вот профессия от студенческого порога ступила в ЦУП.

Была в этом самом стажере особая прелесть молодости,

что горько волнует минуя. Она по-особому звонила, входила с бумагами в руках, ждала подходящего момента вмешаться в разговор. Улыбка её, произвольное внимание с долей равнодушия, как будто она при всем при этом, и этажом выше, и смотрит на все с участием, но с высоты. Ну словом, то, что её выгодно отличало и что назвал бы я, не находя более точного слова, парижским шармом. Отчего парижским?

«Почти каждому просвещенному человеку, – писал Паустовский, – не лишенному воображения, жизнь готовит встречу с Парижем. Иногда эта встреча случается, иногда нет. Всё зависит от того, как кому повезет. Но даже если встреча не состоялась и человек умер, не повидав Парижа, то все равно он уже, наверное, побывал здесь в своем представлении или в своих снах хотя бы несколько раз».

А может и правда, в ней было что-то врожденное французское? Ведь жизнь посложней порой выдумок романиста, а у Булгакова в «Мастере и Маргарите» москвичка с Садового кольца оказалась внучкой французского короля.

Итак, джокондовская улыбка в подмосковном Центре управления полетами. (Хотя сравнение с Джокондой не красиво. По словам Аполлинера, Джоконда стала общим местом в искусстве.) А может, она объявилась у нас зовом несбывшегося. У Грина, помните: «Мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов... Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких туманных берегов несбывшегося, толкуя о делах дня».

Как-то в разговоре с главным редактором телевизионного объединения «Экран» Леонидом Антоновичем Дмитриевым мы коснулись космической темы, и он сказал, что задумай он космический фильм, то показал бы работу «винтика», лучше «гаечки» (в последнее время достается в прессе этим «винтикам»), задействованной в управлении полетом, неизвестной девушки, на хрупких плечах которой часть ноши полета, и как достается ей по делу, и как она готовит документы, и всю этапность их согласований и ответственность рекомендаций, и ответы на вопросы, разбор кабалистики телеметрии и связь с бортом. И так весь фильм. А в конце его камера поднимается, и видно, сколько их в зале управления «винтиков-гаечек», скрепляющих полет. Такою экранной фигурой по-моему могла стать Ирина Чебаевская (да пусть читатель простит мне это отступление).

Но вот эксперимент позади. В субботу в комнате долгосрочного планирования нет обычного столпотворения. Мне нужно было запланировать включение аппаратуры, установленной снаружи станции. Чтобы её включали и после моего отъезда, не нарушая сложного цикла включения, потому что раз нарушив его, можно было потерять всё. Включения мешали прочим работам, накладывались на сон космонавтов, что вызывало раздражение планирующих.

Суббота остается субботой. Лишних в этот день в Центре не было. Смена планирования работала при включенном телевизоре, только в сеансе связи переключаясь на служебный

канал, и в тот момент, помнится, передавали концерт. Выступала детская «поп-группа» Раймонда Паулса. Все смотрели и улыбались. Веселила всех маленькая солистка четырех-пяти лет, певшая, потешно поворачиваясь, про дедушку и бабушку, которые «снова жених и невеста». И тут до меня окончательно дошло, что завтра я уже буду не здесь, а в Париже, впервые по-настоящему за границей, участвуя в работе, к которой я волей случая недавно был подключен, и захотелось чего-то необычного, по-французски остроумного, таинственного, как похождения «девицы и шевалье де Бомон» или мистификации Николая Бурбаки.

– Ирина, – сказал я дежурившей Чебаевской, – вы обязаны мне помочь.

Она сразу не поняла и, оставаясь в рамках привычной работы, ответила:

– Вы думаете, я по «Салюту», а я по «Миру».

Смены «Мира» уже контролировали его полет.

– Нет, я не это имел в виду.

Разговор наш был вовсе необязательный. Теперь, когда выход в открытый космос оказался позади, предстоящий выход в Европу хотелось украсить, как обставляют впервые полученную квартиру, и среди прочих «люстр и торшеро́в» оказался и этот разговор.

– Мы проведем телепатический сеанс Москва – Париж, возможно с Эйфелевой башни (я еще плохо разбирался в топонимике Парижа) или откуда-нибудь ещё.

И мы условились, что в понедельник, ровно в 12 по-московскому, когда Ирина будет собираться на смену в Центр, мы проведем «пятиминутку» Москва – Париж по мысленным каналам.

Но это завтра, а пока летим. Париж, оказывается, неподалеку, всего каких-то три с половиною часа полета. На свою родину – Дальний Восток я, например, лечу около десяти часов.

Накануне из ЦУПа я заскочил в московско-дзержинский универмаг и купил себе новый серый костюм. В моем представлении летом именно в таком виде я должен был появиться в Париже. В аэропорт мы явились как на подбор: в серых костюмах, рубашки с галстуками и только опытный «Рейнеке Фукс» – Володя Зиновьев был в тенниске по погоде, но мы-то знали, что в багаже его, в рыжем чемодане, летит с нами володин серый костюм.

Делегация наша неоправданно велика, ведь всё в ней есть, как положено. Возглавляет ее представитель Главкосмоса, в составе и руководство Интеркосмоса, и даже дочка заведующего отделом ЦК КПСС.

Соседи по креслу рассматривают карту Парижа. На ней, словно согласно идее Общеввропейского дома, есть площадь Европы с улицами Вены, Рима, Мадрида, Лондона, Константинополя, Ленинграда, пересекаемая улицей Москвы. На северо-востоке Парижа имеется площадь Сталинграда, на юго-западе бульвар Сталинграда, по центру на север тянется Се-

вастопольский бульвар. Приятно встретить на карте родные названия, но по какому поводу? В канадском городе Галифаксе мы прочитали «Севастополь» над входом в центральный сквер. Оказалось, здесь было кладбище, где захоронены канадцы, участвовавшие в осаде Севастополя в Крымской войне.

На карте рисованные изображения многих памятных мест. До этого я путешествовал по Парижу в воображении по плану, который подарил мне бортинженер первого советско-французского полета Александр Иванченков. На нем аккуратными красными крестиками отмечались места, где он побывал. Пантеон, Обсерватория, кладбище Монпарнас, институт Пастера, вокзал Сен-Лазар, Монмартр, Дом инвалидов, Клуни, ратуша, Пер-Лашез, Елисейский дворец, Сен-Жермен-де-Пре, арки Сен-Дени и Сен-Мартен, улица Жанны д'Арк. Вернувшись, он жалел, что не успел еще многое посмотреть. Официальные мероприятия отнимали массу времени.

С бортинженером первого советско-французского полета мы собирались написать о полете книгу. Я посчитал и придумал название «Миллион лье вокруг Земли», но все описанное мной – были аргументы и факты, не освещенные собственным присутствием и годившиеся, ну разве что, только на то, чтобы аранжировать непосредственный разговор.

Самолет идет на снижение. В иллюминаторах на виражах сначала общим, а потом и крупным планом идиллическая

картина: черепичные крыши среди разноцветных, напоенных краской полей. Чувствую себя лягушкой-путешественницей, до сих пор не покидавшей родимого болота и вдруг с высоты птичьего полёта увидевшей мир.

Первые впечатления

Автобус медленно втискивается (не подберешь иного слова) в узкую улочку Ожеро. Машины выстроились на ночь вдоль тротуара, оставив узкую проезжую полосу. Стоят они подозрительно близко, словно способны выехать боком. Потом мы не раз наблюдали парковку – «туда-сюда» и поражались терпению и сноровке водителей.

Автобус наш удивительный: дымчатого цвета, с перепадом по высоте; он не велик и не мал; с отлетающей в сторону дверью. Теперь он упорно втягивается в уличный коридор к малозаметному подъезду гостиницы «Лондр» – «Лондон».

Мы прилетели к вечеру. Прямо из самолета по коридору-хоботу мы угодили в цокольную часть аэропорта Шарль де Голль. Плоская лента металлического эскалатора нырнула в темный тоннель, и на огромных подвешенных как елочные игрушки шарах вспыхнули яркие рекламные картины. Что это? Изображения, казалось, проступают изнутри. Только обернувшись видишь лучи проекторов в шарах с обратной стороны, экранами для которых шары следующие. С такими несложными «новинками» мы позже встречались не раз, но эта была первая.

Затем, постепенно привыкая, ты всюду ждешь нового. Шершавые стены тоннеля выглядят декоративными. Я к ним доверчиво протянул руку и ободрал пальцы. Так и появился

из тоннеля на свет, слизывая кровь. В аэропорту запомнилось пересечение круглого внутреннего колодца по прозрачному пеналу – желобу. Рядом в подобных прозрачных желобах плоские металлические эскалаторы тянули в разные стороны прибывших и улетающих.

По дороге с аэродрома сначала недоумеваешь: где же Париж? По сторонам проносятся однообразные складские помещения, предприятия, парижские «черёмушки», и хотя в сравнении с нашими они способны дать сто очков вперед, но ты-то ждешь иного и несколько разочарован, но это только парижский рабочий вход.

И открываются улицы – каменное очарование, где индивидуален и красив каждый встреченный дом, но все они сливаются в потрясающий ансамбль, и нет слов. Парадные большие улицы, и улицы поменьше, и вот, наконец, наша маленькая Ожеро.

Оставив в номере вещи и наскоро ополоснув руки и лица, торопимся из гостиницы. Стемнело, горят фонари. Сво-рачиваем раз, ещё раз и вдруг – невероятно, но факт – перед самым нашим носом, всего-то в сотнях метров от нас, из-за высоких ближайших домов открылась светящаяся Эйфелева башня.

Идем вдоль газонов Марсова поля. В желтом свете фонарей гоняют мяч по траве молодые французские парни, а башня вся светится перед нами. Целых пять лет реставраторы готовили ей сверкающее вечернее платье. И вот с наступле-

нием Нового, 1986 года зажегся новый наряд «пастушки облаков». Голосом Катрин Денёв – Марианны образца 86 года – разлетелись с башни поздравления на тридцати языках. И теперь вечерами башня – словно из раскаленного металла. Она выглядит так, словно успела чуть остыть, и через потемневший «налет» проступает её золотое сияние.

У ног-опор её основания – толпы туристов. Фотографируются чаще у памятника – бюста инженеру Эйфелю. Снизу, под башней, кажется, что она всеобъемлюща и охватывает тебя. Ввысь по наклонным плоскостям, словно в иное измерение, уносятся желтые лифты. Они увозят не только туристов. Башня, увы, бьет рекорды по количеству самоубийц, но чтобы отправиться вверх, нужно оплатить последний проезд.

Говоря техническим языком, башня – КГК, крупногабаритная конструкция, но прошлого века. Видовая площадка «Салютов» и станции «Мир» в тысячу раз выше. Люди селили богов на небе, полагая, что их неземное положение само по себе уже сулит им бездну могущества. Наступило время реальных внеземных сооружений, и мы по этому поводу здесь, и не с пустыми руками, а с опытом сооружения надоблачных конструкций.

С далеких времен человечество утверждало себя крупными сооружениями. Мегалиты и кромлехи, пирамиды и зиккураты, знаменитые семь чудес света, современные высотные дома Манхэттена и Дефанса, а теперь космические КГК.

Через Сену идем по другому наземному крупногабаритному сооружению – Иенскому мосту. Мосты близки космическим конструкциям, особенно висячие, и мостик, сплетенный из лиан в джунглях Берега Слоновой Кости или подвешенный

в ущелье Катманду, пожалуй, их более близкий родственник, чем самые современные конструкции из стали и стекла.

Перед нами Триумфальная арка. Сюда, на бывшую площадь Звезды, выходит дюжина улиц: сверкающие Елисейские поля и темноватое авеню Фоша. Везет нам на французских военных. Наш «Лондон» на улице Ожеро, в другие приезды нас будут селить на улице Камбронна, а от посольства вблизи Булонского леса мы будем ходить пешком по улице Фердинанда Фоша.

Чем объяснить любовь французов к военным? Тихая мирная Ожеро. Её назвали в честь Пьера Франсуа Шарля Ожеро, прошедшего путь от сына лакея до маршала Франции. В отечественных энциклопедических справочниках в его биографии присутствует компрометирующая черта – «выделялся своим стяжательством и грабежом оккупированных областей».

Генерал Пьер Камбронн при Ватерлоо командовал гвардией. Считалось, что ему принадлежат крылатые слова: «гвардия умирает, но не сдаётся». Правда, Новый (начала нашего века) энциклопедический словарь под редакцией почетного академика К. К. Арсеньева лишил Камбронна автор-

ства знаменитого изречения.

Маршал Фош отличился в первую мировую войну, но запятнал себя организацией интервенции в молодую Советскую Россию. В Париже много памятников военным, воплотивших мемориальную любовь к своим защитникам и завоевателям.

Венки у вечного огня. В реестре наполеоновских побед на стенах триумфальной арки – наши родные города. У Александра Безыменского есть стихотворение, написанное в военном 1944 году:

Я брал Париж. И в этом нету чуда!
Его твердыни были мне сданы.
Я брал Париж издалека. Отсюда
На всех фронтах родной моей страны...

Оккупация Франции во вторую мировую войну завершилась в несколько дней. По настоянию Гитлера подписание акта капитуляции состоялось в музейном белом салон-вагоне, том самом, в котором в девятнадцатом году маршал Фош диктовал условия перемирия побежденной Германии. В нем в 1940 году Кейтель подписывал акт о безоговорочной капитуляции Франции, а пять лет спустя ему пришлось ещё раз подписывать безоговорочную капитуляцию, уже свою. Оккупанты прошли в Париже под Триумфальной аркой, и Гитлер, помахивая снятой лайковой перчаткой, не удержался пройтись Елисейскими полями.

Тех, кто ушел, никем не заменили
А тех, кто пал, ничем
не воскресишь!

Так, не пройдя по Франции ни мили,
Я проложил дорогу на Париж.
Я отворял парижские заставы
В боях за Днепр, за Яссы, Измаил.
Я в Монпарнас вторгался
у Митавы,

Я в Пантеон из Жешува входил...

Можно ли верить в возмездие? По закону исторической справедливости три фашистские дивизии, захватившие Париж, были разбиты затем под стенами Сталинграда.

Движемся Елисейскими полями. Только причем здесь поля? Разве что памятником бережного отношения к названиям. Так называли рощу, через которую проложили затем авеню, ставшую центральным проспектом города. Трудно сознанию, зачатоу в сумерках энергетического кризиса, представить зрелище огненной реки, электрического фейерверка с шедеврами рисующего света. Даже одной витрины с набором дежурной необыкновенной красоты казалось достаточно, чтобы поразить воображение. Но их здесь – не одна, а сплошной сверкающий ряд.

Поток машин. Знаменитые рестораны и кафе, иногда с партером наружных кресел. Мраморные столики порой теснят по-воскресному праздничный поток. У кинотеатра «Триумф» небольшая очередь. Но не у касс. У них свободно, там, получая билеты, расплачивается единственный человек. Остальные ждут в стороне, у встроенных в тротуар перил. Тут и там продавцы-арабы стучат о тротуар надутыми разрисованными пластиковыми «шарами» – бревнами. Удар и бревно взмывает над головами прохожих на высоту в несколько этажей. Контрастно с бездумно гуляющей толпой выглядят полицейские. Они по виду – при деле и вооружены до зубов: выпирают из кобуры огромные револьверы, а за спиной и в руках расчехленные винтовки и автоматы.

Ослепительный отрезок Полей сравнительно невелик. Мы идем их продолжением, тихим, обсаженным деревьями, и затем по мосту Александра III пытаемся замкнуть кольцо. Этот мост, носящий имя русского царя, самый разукрашенный, хотя сам царь неприметен в отечественной истории. Правитель – деспот, правитель-реакционер, но в его царствование был заключен русско-французский союз.

Стосемиметровый одноарочный мост обильно украшен фигурами. Несимметричными ледяными глыбами выплывают из-под него прогулочные корабли. Прозрачный стеклянный верх позволяет любоваться окрест в любую погоду. Рядами встроенные в борта прожекторы освещают ночные дома. До и после корабля они в темноте, но там, где движет-

ся светящийся прогулочный айсберг, дома рельефней, чем днём. Остается только посочувствовать обитателям парижских набережных.

Наш район тих и готовится к рабочему дню. Окна моего номера смотрят на улицу. Подхожу к окну: на противоположной стороне в окне вижу распластавшегося в кресле упившегося или уколовшегося человека. Включаю телевизор. Попеременно смотрю то концерт, то футбол. Затем, так и не найдя обычной подушки, подкладываю под голову длинный валик и, разметавшись на широкой двуспальной постели, занимающей две трети комнаты, проваливаюсь в сон.

Без иллюзий

С утра пораньше выходим на тихую Ожеро. Спешат ранние прохожие, вытянув палку-поводырь, идет слепая девушка. Негры-уборщики в ярких зеленых комбинезонах с красными поясами моют тротуар. Убирать его удобно. Он сделан с наклоном. Вода из шланга от миницистерны, ползущей по тротуару, стекает в канавку проезжей части и дальше в уличный сток. У подъездов сигналият красными крышками полиэтиленовые мусорные контейнеры на колесиках. Все, что не вместилось, упаковано в пластиковые мешки и коробки. Подходит машина-уборщик, мусор проглочен. К магазинам подъезжают фургоны, встроенные подъемники опускают контейнеры на колесиках. Они касаются тротуара и легко катятся вовнутрь.

Семь часов, а многие магазины открыты: булочные, овощные, продовольственные. Вдоль тротуара на выносных лотках расставляют цветы. О цветах разговор особый. Удивляешься их красоте. Идем вдоль газонов, причудливо стриженных кустарников, клумб, и, словно в сказке об аленьком цветочке, никто с цветами здесь не возится, не поливает, не стрижет, а между тем все ухожено и замечательно выглядит.

По тротуару движемся осторожно – не угодить бы в собачий кал. Дворов здесь, кажется, нет. Собак выгуливают

по тротуарам. Собаки разные, ведут себя чинно. Сторо-
нимся на всякий случай. Ведь голова набита прочитанным:
«на 55 миллионов французов приходится 9 миллионов со-
бак. Ежегодно около полумиллиона французов покусано их
четырёхногими друзьями».

Солнце едва задело верхушки крыш. Утро – не время ил-
люзий, да и откуда им быть в наш просвещенный век? Кры-
ши, крыши, над ними голая Эйфелева башня. Впрочем, и во-
все не Эйфелева, ведь настоящая фамилия Эйфеля – Боник-
хаузен.

По утверждению справочника Мурра и швейцарской га-
зеты «Конструир», автор проекта башни – Морис Кехлен
из Цюриха, а Александр Гюстав Эйфель – его шеф, как
теперь принято говорить – представитель административ-
но-командного аппарата.

Кехлен подчинялся Эйфелю и возглавлял в эйфелевом
Обществе металлических конструкций проектное бюро. Он
предложил построить высотную радиомачту и подготовил
эскиз её, расчеты, чертежи. Сначала Эйфель отнесся к про-
екту холодно. Однако проект был отправлен на очередную
выставку декоративного искусства с его подписью как ру-
ководителя Общества. Проект привлек всеобщее внимание.
Но строительство башни оспаривалось. Петицию о запрете
«варварского сооружения» подписали триста видных деятелей
Франции. Среди них Гуно, Мопассан, Дюма-сын.

Согласились башню воздвигнуть временно. 31 марта

1889 года руководителем Общества металлических конструкций А-Г. Эйфелем (таким был его псевдоним) был поднят национальный флаг на трехсотметровой макушке башни Всемирной выставки.

Башня стала самым притягательным сооружением выставки. Плата за её смотровые площадки вскоре компенсировала расходы на строительство. Её не решились сносить. Она обессмертила имя Эйфеля, сделалась символом Парижа, а настоящий автор, «её отец», был забыт. Кехлен на 23 года пережил своего нещепетильного патрона и умер в безвестности в 1946 году. Впрочем, как утверждал Наполеон, «выиграл сражение не тот, кто дал хороший совет, а тот, кто взял на себя ответственность за его выполнение и приказал выполнить».

Башня стала символом. У подножия ее начинаются многие манифестации – прогрессивные, умеренные, самые реакционные. Недавно здесь промаршировали муниты – агенты Ассоциации за унификацию мирового христианства.

Перед приходом Горбачева в Париж (того самого первого официального в западные страны, «...чтобы снимать наслонения предыдущих лет...»), как утверждает журнал «Нувель обсерватер», муниты зафрахтовали дирижабль для сбрасывания листовок. Около миллиона долларов было истрачено сектой Муна на срыв встречи в верхах. Однако встреча прошла успешно, и наш совместный космический проект – один из её плодов.

Направляемся к Сене. Это от нас недалеко. Справа Дом инвалидов. По-французски название для нас странновато – Отель Инвалидов. Отель для одного. В саркофаге из цельного красного карельского мрамора (а французы пишут – из финского) покоится прах Наполеона.

Подходим к Сене. Через Сену в пределах Парижа перекинуто более тридцати мостов. Самый старый из них Пон Неф – Новый мост, построенный ещё при Генрихе IV. А действительно новый – Александра III заложен в 1896 году, во время пребывания в Париже Николая II. Он очень наряден. Идём по нему, разглядывая множество позеленевших фигур. Столбами опорами он чуточку родственен нашему Крымскому мосту.

Ну как не вспомнить здесь ВГИКовский маленький просмотровый зал, где мы познакомились с «Атлантой» Жана Виго. Именно в нём наряду с героями, на равных участвовали и парижские мосты. Да, фильмы не раз и не два водили нас на свидание с Парижем. И с Эйфелевой башней в «Париж уснул», в «Воображаемом путешествии» с химерами Нотр-Дама. «Большая прогулка» подарила нам Париж с высоты птичьего полёта. Так и тянет добавить к ним клеровский «Под крышами Парижа». Но нельзя, у Клера – павильонный фильм. И если из всех выбирать, то самое сильное впечатление оставили у меня мосты Виго.

Спешим к себе, на нашу скромную Ожеро. Восемь французских букв передают ее название и всего пять – русских.

Нас ждет красивый автобус. Начинается первый рабочий день. Заезжаем за медицинской группой. Она разместилась неподалеку, в маленькой гостинице «Божанси». Автобус въезжает в узенькую рю Дувивьер. И здесь слева и справа, залезая колесами на тротуар, выстроились ряды по-французски кургузых автомобильчиков. Выделяется крошка «остин», имеющий старомодно-элегантный вид. Владельцы спешат, выводя автомашины из ночных шеренг. На бульварах машины выстроились в три ряда.

У богатых собственные гаражи и въезд. Суют специальную магнитную карточку в щель у ворот или подмигивают фонарем фотоэлементу и «сим-сим» – автомат распахивает створки ворот или уносит их в сторону.

По утрам синеглазые полицейские, обычно женщины в синих форменных платьях и авантажных шляпках, которые у нас отличили бы самых смелых модниц, подкладывают под дворники машин квитанции. Что это: штраф, предупреждение или установленная за парковку на улицах плата? Не знаю. Дворники некоторых машин прижимают вороха бумаг.

Пересекли Сену. Шофер-югослав везет нас в центр исторического Парижа. Здесь, рядом с Лувром, на плато Бобур, где столь недавно красовались павильончики центрального рынка – «чрева Парижа», разместилось здание КНЕСА – Национального центра космических исследований Франции.

«Поднимайтесь на третий французский этаж», – отправ-

ляли нас в лифтах француженки-переводчицы, что означало четвертый, потому что первый, как правило, вспомогательный, нулевой. У улиц это этаж магазинов и магазинчиков, парикмахерских, рестораников, угловых и выступающих стеклянными кристаллами brasserie, ведущих родословную от пивной. Над ними на жестком парусиновом тенте желтым по красному написано название, а иногда и кухня – японская, антильская, вьетнамская или, как называют у нас, «дары моря», а у французов «фрукты моря» – «Фрюи де мер».

– Вы привезли нам солнечную погоду, – сказал, открывая встречу, заместитель директора КНЕСа Даниель Саккот. – В Париже до этого стояла довольно-таки серенькая погода. Теперь же вы видите небесную голубизну.

Так и пойдет в дальнейшем: при встрече первые официальные слова с французской стороны, как правило, о погоде.

– Нам кажется, этот проект внесет голубой период в наши отношения.

Саккот – руководитель прошлого проекта. В короткой речи он пожелал успешного старта новой программе, доверия ее участникам.

Выступает мадам Тулуз. Ей поручено руководство проекта с французской стороны. Она невысока, худа, у нее иссиня-чёрные волосы и острые черты лица, одета в свободное платье и говорит только по делу.

– ...Мы постарались представить все данные для обсуж-

дения постановки наших модулей... обсудить технический календарь... мы просим довериться нам...

Интересное дело, в зале в основном мужчины, а руководитель проекта хрупкая женщина, и её хочется поддержать и защитить. В другом совместном проекте «Вега» по изучению планеты Галлея техническим руководителем

с французской стороны опять-таки была женщина – Озет Рюнаво из Тулузы. «Очаровательная женщина, – писали наши газеты, – высококвалифицированный инженер, мать троих детей...».

Мадам Тулуз сообщает график предстоящих работ: разбиваемся на группы и тут же, в КНЕСе начинаем обсуждение.

В жизни я – невнимателен, но здесь меня не покидает странное ощущение. Оно, должно быть, связано с видом мадам Тулуз. «Господи, да она беременна. Ничего себе, хорошенькая история».

Слушаю. Совместный проект называют дальше «новым приключением». Французы вообще падки на приключения, во все концы света толкает их любознательность и исследовательский зуд: в глубины Атлантики, в трюмы лайнера «Титаника», в бразильскую сельву на дирижабле, с которого они спускаются в недоступные места. И вот теперь «приключение в космосе», новая афера, потому что по-французски дело

и афера – одно и то же слово.

«Ай-яй-яй», – я вспоминаю, что пропустил телепатический сеанс. С запозданием в четверть часа посылаю условленную телепатограмму. Верю ли в мысленные контакты? И да, и нет. Всю жизнь живешь в ожидании хоть какого-нибудь чуда, но в нашей жизни чудес не бывает.

В перерыве кофе и соки прямо в вестибюле КНЕСа. Мимо идут неторопящиеся сотрудники. Прошел, улыбнувшись, академик Лионс, математик, недавно избранный президентом КНЕСа.

Расходимся по комнатам. Кто-то сказал: в такую жару в костюмах и галстуках в Париже – русские или американцы. И верно, мы в костюмах, а французы в кофтах и курточках. Разговор продолжается в большой комнате, уставленной голыми «лабораторными» столами. Основными «забойщиками»

с французской стороны выступают Лабарт и Мамод. Выражаясь языком проектной документации, они подобны по габаритам – невысокие, крепкие, спортивноустойчивые. Мы узнаем позже, что Лабарт и вправду спортсмен. Левый крайний и президент футбольного местного клуба.

Темноволосый и темнокожий, с курчавой бородой, Мамод – выходец из Мадагаскара. С живыми, яркими, искрящимися глазами, с энергией, скрытно присутствующей, он отличается от Лабарта. Тот дипломат. По происхождению из Прованса, по месту рождения – парижанин, он сдержан, приветлив, не унывает; готовый высмеять всё, в работе он

весь внимание, хотя ирония постоянно присутствует в уголках его глаз и губ. Одет он извечно в излюбленные кофточки, и хотя рубашки – разные, на них обязательно присутствует крокодил. На синей курточке серый крокодил с поджатым хвостом и широко разинутой алой пастью, на серой кофточке и на рубашках – зелёные. Торговый знак престижной фирмы «Лакоста» присутствует у Лабарта на всём.

Потом шутили, что Лабартом скуплены все крокодилы Старого света, называли его повелителем крокодилов. Но все это будет потом. Пока же Лабарт и Мамод поступают на редкость одинаково – достав большие тетради в клетку, они начинают вписывать в них буквально всё с видом прилежных учеников. Любой вопрос заносится сначала в тетрадь аккуратным почерком. И как не шутили мы, называя тетради «талмудами», полным собранием сочинений, интересуясь: «а это который том?», как не спешили порой, ими в этих тетрадях каллиграфически фиксировался каждый вопрос.

В сеансах связи с космической станцией бывают моменты, когда все, что не говорится, сопровождается эхом, и это мешает с непривычки. В разговоре через переводчика получается нечто похожее. Не всегда веришь, что тебя поймут, и тянет на повторы. Хуже, если по ходу дела переводчик редактирует тебя. Иногда он ценит в себе специалиста и пробует разобраться и этим тормозит разговор.

Вначале бывало и так. Мы буксовали на ровном месте.

Читался согласованный текст, но предлагались варианты. На русском и французском убедительней свои выражения, буквальный перевод порой настораживает, а отступления от текста могут вызвать разночтения. На первых порах поиски выражений отнимали немало времени. Его-то как раз хронически не хватало во время коротких встреч. Но это прошло, появилось доверие, вызволяющее из словесных ухабов.

Обсуждается французская КГК, космическая крупногабаритная конструкция. Последнее время подобные сооружения занимают умы космических конструкторов. Каково их предназначение? Различное. Они способны стать основой будущих станций – силовой конструкцией, каркасом крупных рефлекторов и антенн, платформой средств военного базирования, словом, нести и добро, и зло.

По первоначальному замыслу французская конструкция – каркас космической антенны. Она из легких углепластиковых стержней, сначала компактно уложенных в метровую вязанку и раскрывающуюся в открытом космосе на внешней оболочке станции. Для этого космонавты в скафандрах должны вынести её и установить. По сигналу из станции она раскроется. А датчики и телекамеры, установленные вблизи её, проведут необходимые измерения. Затем конструкция отделится и удалится от станции.

Эксперимент с выходом в открытый космос французского космонавта звучит по-русски чудно: Ева – Extra Veniculaire

Activity, что в переводе с английского означает – внекоробельная деятельность. Документация, обучение и переговоры в полете будут вестись на русском и потому уместней русские названия, которые трудно было бы спутать в радиопереговорах в полёте.

Я предлагаю название «ЭРА» – элемент раскрывающейся антенны. Звучит несколько самонадеянно. По-французски произношение похожее – эр. Французы соглашаются, в их устах русское название звучит на французский манер – «ЭРА»».

Позже они попросят нас называть их конструкцию не антенной, а просто раскрывающейся конструкцией, вкладывая в это выражение пока непонятный нам смысл. Но это будет потом, а пока... мы обсуждаем технические проблемы механического сочленения со станцией – куда и на что, например, установить антенну? Разве что на внешние поручни станции, обеспечив необходимый механический интерфейс. Обсуждаем и электрический интерфейс – контакт. А в голове еще один, необходимейший – психологический интерфейс, который пока только нащупывается и без которого, наверняка, у нас ничего не получится.

Нам нужно учиться работать вместе, наладить деловой контакт. Слово «деловой», правда, сегодня звучит иронически. «Деловой» – человек-функционер, олицетворяющий корыстную практичность. Но ведь и этой работой преследуются корыстные цели. Чего бы хотели от нас французы? Не

только выполнить определенный эксперимент, но и приобрести опыт оценки медицинского состояния космонавтов и навыки их работы, в том числе и при выходе в открытый космос.

Чего хотели бы мы? Мы уже раскрывали подобные конструкции, но работа с французской стороной для нас опыт международного сотрудничества в создании КГК. Такие проекты состоят из множества конкретных шагов, и на каждом из них возможны свои остроумные решения. Многие передовые технические идеи обязаны гению французской земли, но еще важнее контакт двух стран на пути мирного освоения космоса, который пойдет через нас – технических представителей. И хорошо, что в разговоре чаще звучат русское «идёт» и «годится» или французские «са ва» и «дакор».

Парижское золотое кольцо

– Походите вокруг КНЕСа. Любопытное место, – посоветовал нам заместитель директора тулузского отделения КНЕСа Жак Бретон.

В перерыве мы воспользовались его советом. Если встать на ступени здания КНЕСа, в «фокусе» его стеклянной витрины, за которой «Ариан», «Ариан», «Ариан» и фото с космической высоты, то перед вами откроется плато Бобур.

Ещё недавно здесь размещался центральный рынок – «чрево Парижа», а теперь здесь сквер, металлические «ярмарочные» сооружения и входы под землю. Эскалаторы понесут вас в многоэтажный «город троглодитов» – торговый центр и царство воды с бассейнами и океанариумом.

Эскалаторы сначала доставят вас на мраморную площадь с высоким потолком. Здесь в особые дни – Дни музыки – гремят оркестры, а зрители располагаются на разной высоте «амфитеатра» лестницы. От площади разбегаются торговые ряды. Чего только нет за их витринами.

– Я не могу придумать ничего нового, – сказал мне как-то знакомый журналист, долгое время живший в Париже, – чтобы это мне тут же кто-нибудь не предложил. Находится человек, который раньше подумал и осуществил твою идею. Выдумка спроса опережается предложением.

Мы не туристы и специально не познакомились с Парижем:

времени у нас на это не было. Как правило, мы миновали Париж транзитом, направляясь в Тулузу, из северного аэропорта Шарль де Голль по кольцу в южный – Орли. В Тулузе, где мы работали, на знакомство с городом оставались редкие вечерние и утренние часы. Знакомство с Францией у нас выходило как бы на лету, но острота впечатлений от этого только возрастала.

В первый рабочий день мы не могли, разумеется, истратить все время обеда на обед, а потому, наскоро перекусив в кафе самообслуживания, отправились на «свидание с Парижем».

Итак, мы начали со ступенек КНЕСа перед плато Бобур. Еще недавно я видел такое фото: на этих ступенях «семеро смелых» – кандидаты в космонавты. Некоторым из них работать и встречаться с нами. Например, Клоди Деэ – специалисту по космической медицине, родившейся в год запуска первого спутника; с летчиками Мишелем Тонини и Жаном-Пьером Эньере, с Мишелем Визо. И вот мы сами стоим на этом самом месте и смотрим на Бобур.

Через улочку на здании, где расположено кафе «Produits de mer», мемориальная доска с именем Мольера. Соседство кажется символичным, как и многое, если искать символику (еще бы реформатор театра соседствует с первопроходцами техники). Но оставим это неблагоприятное занятие и просто пройдемся вокруг здания КНЕСа.

Возможны разные маршруты. Можно подняться на сосед-

нее здание Национального центра искусств и культуры имени Жоржа Помпиду. Его называют и «химическим заводом», потому что из него вынесены вне не только трубы, но и опорные конструкции, напоминающие вспомогательные эстакады и строительные леса, между которыми по прозрачным наклонным пеналам-жёлобам движутся эскалаторы.

В нижнем огромном зале с потолка свисает масса металлических «сосулк» – отражающих стержней. Они рожают необычное впечатление.словно облако поднялось к потолку и сверкает нитями непрерывного золотого дождя. Вид его, блеск, мерцание зависят от места и взгляда, и каждый последующий шаг меняет картину. Облако словно живое, и каждый видит его по-своему. В здании Центра публичная и детская библиотеки, выставка промышленного творчества, Национальный центр нового искусства, выставляется Матисс, работают кино, видео-, театральные и концертные залы. В день, когда мы были там, в одном из залов шли дебаты о современном городе, ретроспективно показывались фильмы Бразилии, в зале Гершвина звучала музыка Чайковского, а в Большом концертном зале Центра – музыка Вебера и Дебюсси.

Мы поднялись наверх и с верхнего этажа оглядели море парижских крыш, а внизу, на крохотной площади Стравинского, в плотном кругу зрителей выступали самодеятельные циркачи. Их выступление напоминало цирк начала века: они метали друг другу в грудь острозаточенные дротики. Позже

В один

из Дней музыки, когда в Париж съезжается музыкальный мир и тысячи оркестров играют на перекрестках и площадях, мы стояли возле Центра Помпиду, на этой самой площади в праздничной толпе. Слева огромные окна полыхали малиновым закатом, а перед нами на временном помосте выступал расчудесный диксиленд в белых костюмах и шляпах-канотье.

Впрочем от КНЕСа можно пойти иначе: мимо сумеречного с этой стороны «Самаритэн» и по Новому мосту в сердце Парижа, на Иль-де-ла-Ситэ.

Ситэ с правым берегом соединяют четыре моста, и еще один мост ведет к нему через остров Святого Людовика. Остров Ситэ принято сравнивать с корабликом на якоре посреди реки. Этим корабликом присутствует он и в гербе Парижа. Но на открытке, купленной мной на набережной у букинистов, он виден с высоты птичьего полета со стороны острова Сен-Луи и отчетливо похож на плывущего на боку дельфина.

Всюду пишется, что букинисты Сены – дошлые старухи и старики. Мне же с лотка-баула на набережной Лувра продавала открытки милая девчушка, и на одной из этих открыток «дельфин» – Ситэ, а Сен-Луи тянется за ним на буксире.

Чаще мы входили на остров по мосту Менял. Миновав Гревскую площадь, именуемую ныне «Отель де Виль» (да, ту самую, на которой прежде рубили головы), вы входите на мост. Перед вами справа серые башни Консьерже-

ри. Толстая башня Болтунов, плоские трубы на неповторимых – воронками – крышах. Здесь во времена Великой французской революции перед смертью томились Мария-Антуанетта, Шарлотта Корде, Андре Шенье, противники Дантона и Робеспьера и сами они. Башни, за ними чудо готического искусства – часовня Сент-Шапель.

Если, сократив расстояние, двинуться не к часовне, а влево, то по пути к Нотр-Дам очутишься на небольшом птичьем рынке. Впервые слышав крик петуха в центре Парижа, я был поражен – наваждение да и только – орущий гальский петух. На набережной правого берега Сены торговали клетками и птичьим кормом, а здесь, на Ситэ, в двух шагах от Нотр-Дам, продавали клеточных и певчих птиц. И вертелись попугайчики нежной неуловимо-переходной окраски и грубо раскрашенные ара, а в центре рынка, на клетке, над толчеёй возвышался огромный серый петух. Он время от времени взмахивал гребнем и громко орал на все ситэвские окрестности. Полюбовавшись и продавцами и живностью, делаем несколько десятков шагов, и вот перед нами открылся Нотр-Дам, такой известный и знакомый.

В нём Генрих IV служил свою первую обедню; здесь было произнесено надгробное слово великому Конде; Наполеон был коронован в знаменитом соборе. Проектанты его не безмянны. Идея создания нового собора пришла в голову Морису де Сюлли. Сын бедной сборщицы хвороста из Сюлли на Луаре, человек чрезвычайно тщеславный, он со-

вершил головокружительную карьеру. Выбранный в 1160 году епископом Парижа, Сюлли задумал подарить парижанам невиданный собор. Объединив прежние церкви острова, он превратил их в клирос собора Нотр-Дам. Сюлли скончался в 1196 году, чуть-чуть не дожив до завершения строительства.

В тот первый раз мы очень спешили к собору, договорившись там встретиться. Мы быстро шли, рискуя опоздать и вызвать руководящий гнев на свою голову. Торопливо группой мы миновали мост Менял, свернули налево, и еще раз – и перед нами открылся Нотр-Дам.

Паола Волкова, читая нам лекции во ВГИКе2 *, утверждала, что башни соборов в свое время не достраивали. Не важно, мол, где обрывается дорога к Богу. Смотрю на собор и не вижу этого. Скорее это плоды современного мифотворчества. Что в основе его? Должно быть, какой-нибудь факт, но с долей романтики, фантазерства, желания преукрасить жизнь.

Перед собором пестрая разноязычная толпа – на каменных скамьях, окружающих соборную площадь, на бордюре газона, а одна пара, по-турецки усевшись прямо на траве, застыла в затяжном поцелуе.

В центре площади куражился человек в черном трико, изображая то монстра, то Квазимодо. Ко мне он бросился с огромной расческой, и я от него убирался, как мог. На плитках площади валялся его реквизит. Перед собором с лотка –

повозки с впряженным осликом продавали сувениры. Мы подошли к исходной точке – центру Парижа и, наступив на вмурованный в камень металлический «пяточок» его обозначения, сфотографировались на память.

Я побывал в этом месте Парижа через девять месяцев. Стояла ранняя весна. Перед входом в собор выстроились школьники. Примерно наши пятиклашки, они стояли шеренгой в куртках желтого цвета, а над ними на соборной стене тоже шеренгой выстроился каменный ряд святых, с высоты своего положения смотрящих вниз. Что они видели? Ужас осады во время религиозных войн; погром в ночь святого Варфоломея; мертвое поле при отступлении гитлеровцев...

Если взглянуть на собор не с фасада, а обойдя с тыльной стороны, то ребра-пилоны напомнят плывущую галеру в момент, когда весла гребцов опущены. Внешние контрфорсы, разгрузив несущие стены, позволили украсить их гигантскими витражами.

В воскресенье в соборе была особая месса: вместе с кардиналом выступил генеральный секретарь ООН Перес де Куэльер. Два черных лимузина скромно подкатили к входу собора, а следом и мы вместе с другими вступили через высокие двери в соборную полутьму. Сбоку дохнуло жаром пламя тонких тесно установленных свечей. Перед ними молилась молодая женщина, скорее девушка, в черном, коленопреклоненная на специальной подставке. Лицо её выража-

ло мольбу, недоумение, должно быть недавно она испытала первое потрясение в жизни, и молитва ей помогала его пережить.

Сбоку от кресел идём вдоль заполненных рядов к центру. Полутемно, сумрачно в соборе. Свет извне проникает только через огромные круглые витражи-окна. Пауза. Отыскав место сбоку от амвона, я опустился на черную скамью. Преимущество этого места, огороженного загородкой в том, что оно сбоку и стоит сделать еще несколько шагов, и ты у колонн на проходной части собора.

Перед нами площадка подиума. Рядом, что-то сказав, возможно попросив разрешения, садится модно одетая молодая девушка. С виду она не отличается и от тех, кто обнимается на площади, и от тех, кто восседает в открытых кафе. Вокруг тихо, важно и сумрачно. Молчаливая общность людей, казалось, подчеркивает таинство обряда.

В соборной стене передо мной огромное витражное колесо, радужный зрачок собора. Кажется, ты перенесся на века назад. Только девушка рядом в светлой куртке и брюках не вязалась с веками. За моей спиной молодая мать успокаивала полугодовалого ребенка, она кормила его из бутылочки, а он скрипел, попискивал настойчивым голоском. Кончилось тем, что мать, подхватив ребенка, ушла. И вот воздух собора начал дрожать, зазвучал орган. Он начал звук низким жужжанием, затем взлетел высоко-высоко. Когда он стих, в резонирующей пустоте собора раздался громкий и четкий

голос прелата.

Мы не раз ещё заходили в Нотр-Дам. Всякий раз, когда это по времени получалось. Хорошо идти к собору ранним летним утром, пока в воздухе ещё ночная свежесть, а тротуары мокры после уборки. Поток служащих пока не хлынул к офисным зданиям, и бредут пока сами по себе ранние туристы. И вот у площади «Паперть Нотр-Дам» тормозит первый автобус

и из него тянется первый туристический ручеек.

Входы-зевы Нотр-Дам уже открыты, стоит зовущий колокольный звон. В центре, в соборном полумраке, начинается служба, а туристы идут вокруг вдоль стен, где ниши святых со скульптурами и картинами, каждому своя, словно индивидуальные комнаты в большой коммунальной квартире, только стенка в общий коридор снята для простоты общения.

От собора удобней пройти узкой набережной вдоль полицейского управления с женщинами-полицейскими у входа к мосту Сен-Мишель. Короткий, широкий, он ведет с острова на площадь Сен-Мишель, к знаменитому фонтану и приютившему его зданию, расходящемуся клином по двум магистралям: улице Дантона и бульвару Сен-Мишель.

«Славное кафе на площади Сен-Мишель», – писал Хемингуэй. Но какое именно? Здесь их несколько и с той и с другой стороны. Прекрасно, взяв в путеводители «Праздник, который всегда со мной», путешествовать по хе-

мингуэйевским местам. Взглядом писателя всему дается как бы вторая жизнь. Да вот беда: сам-то ты видишь совсем иначе. Перед фонтаном на треугольной мощеной площади, зажатой улицами, сидят на разостланных выцветших коврах какие-то бородачи. Монотонно струятся из пасти крылатых львов потоки воды, и застыл, замахнувшись мечом на пресмыкающееся чудище, стройный крылатый Святой Михаил.

Встреча с Парижем – не столько знакомство, сколько узнавание. Не скажешь сразу, где это слышал и что читал, но ощущение: многое тебе знакомо. О треугольнике сквера, отрезанного у Ситэ Новым мостом, писал Хемингуэй. Как и полвека назад, застыли здесь над водой удильщики и кроны могучих платанов отражаются в реке.

Вступаем на самый старый парижский Пон Неф. Его первый камень заложили в 1578 году. Король Генрих III намеревался назвать его мостом Слез. Религиозные распри путают его карты. Король убит. Париж поднялся и против его наследника, Генриха Наваррского. Считают, что «Францию создали в тысячу лет сорок королей». Из них Генрих Наваррский, ставший затем королем Генрихом IV, у французов самый известный и почитаемый.

С девяти лет он король Наварры – королевства на севере Испании. Памплона с корридой – центральное место хемингуэйевской «Фиесты» – главный наваррский город. Затем Генрих становится королем Франции. До этого были и другие Генрихи IV – германский король, известный в исто-

рии хождением в Каноссу, английский король... Он стал знаменитым французским Генрихом IV. В свои сорок лет после перехода из протестанства в католичество он был признан Парижем, в 57 лет убит фанатиком-католиком.

Религиозные войны того времени потрясли Париж. В Варфоломеевскую ночь Сена была забита трупами. Религиозные распри во времена Генриха IV привели к осаде Парижа. Блокадный город поражал своей стойкостью. Парижане съели лошадей и ослов, всех кошек города, траву, кости скелетов перемалывались в муку. Матери, доведенные до отчаяния, убивали своих детей. Генрих IV – глава гугенотов, желая покончить с этим, принимает католичество. Его знаменитые слова: «Париж стоит мессы». И 22 марта 1594 года он входит в Париж через Новые ворота, что между Лувром и Сеной.

Его правление признано мудрым, но так посчитают потом. При жизни ему удалось избежать семнадцати покушений. Он стал жертвой восемнадцатого. «Всё могут короли...», – поет в популярной песенке Алла Пугачева, а ведь это ничто иное как эстрадный пересказ истории Генриха IV – Анри на французский лад. Париж готовился отпраздновать коронавание Марии Медичи – второй жены короля, однако католик – фанатик Равальяк убивает Генриха.

Четыре года спустя на Новом мосту воздвигается конная статуя Генриха IV, первая конная на городских магистралях. Король обращен лицом к площади Дофина, к двум сохра-

нившимися древним домам.

Два выделяющихся розовых дома. О них написал Андре Моруа: «Они из розового кирпича и тесаных белых камней, очень простые, но такие французские, что во времена войны, вдали от моей страны, я мечтал о них каждую ночь как о символе всего того, что потерял...». Память о Франции – два розовых дома, а впереди у нас розовый город – Тулуза, где нам работать ровно три дня.

Взглянем от памятника Генриху IV на правый берег Сены, и перед нами взметнётся ввысь красивое здание с летящими вверх каменными и стеклянными вертикалями, опоясанное чугунной балюстрадой, с особыми флагами – жёлтыми с красной каймой, с корытообразной крышей, над которой огромные буквы «Samaritaine». Это универмаг – «Самаритянин».

Когда-то на этом месте стоял насос. Он-то и получил прозвище «Самаритянин» из-за высеченного на нем барельефа «Христос у колодца Иакова». Насос исчез еще в 1813 году, но его именем была названа построенная по соседству баня. Так же называли и открывшийся рядом магазин. Владелец его Эрнест Коньяк сохранил название. «Люди привыкли, – считал он, – и название их привлечёт». В Париже масса сохранившихся названий. И знакомые нам по Хемингуэйю кафе «Купол», «Ротонда», «Клозери де Лиля» и множество других.

Рядом с универмагом огромный рекламный плакат на щи-

те в рамочке. Господи, да что же такое творится? Прямо по-книжному, чтобы замкнуть сюжет! Невероятно, но факт. Я сам считал вероятности, но это – лишено всякого здравого смысла – с парижского плаката на нас по-особенному смотрела специалистка из ЦУПа Ирочка Чебаевская.

Бросим прощальный взгляд на «Самаритэн» и поспешим мимо него по рю Пон-Нёф, потом по маленькой рю де Бургонь в КНЕС. Мы ещё замкнем парижское золотое кольцо, но не сразу, а в несколько попыток.

Уроки французского

Я не читал рассказа Валентина Распутина «Уроки французского», я видел только поставленный по рассказу фильм о самом высоком уровне человечности в невыносимых условиях. Но существуют уроки и в самом обыденном, в воспитывающих повседневных делах.

Здесь мир возникал сначала для меня из газетных строчек, журнальных страниц, книг. Он был практически так же далёк от действительности, как мир снов. Но получилось так, словно ты вошел в соответствующий сон и твой соответственный мир слился с ранее воображаемым. И вот прежде несовместимые миры соединились, как сообщающиеся сосуды, и влияют на тебя.

«Уроки французского» – мелкие повседневные дела, рядовые экскурсии – становились семинаром культуры человеческого общения, а место могло быть любым – гостиницей, улицей, метро, магазином.

В гостинице «Лондон» всего-то около тридцати номеров, узенькая винтовая лестница. Там всё без помпезности: удобно, красиво, скромно. Портье – само внимание и отзывчивость, и словно давнишний ваш знакомый с вами заодно. Не только желание и способности, но и талант у него вас понять, разобраться, пойти навстречу.

Гостиничный мир – модель большого: приветливые постояльцы, радушный портье, молодая уборщица – негритянка, которую зовут, когда возникает необходимость объясниться по-английски: «молодежь знает лучше язык». Наблюдения наши внешние: возможно, что-то прячется за витрину улыбки и остается для нас «вещью в себе».

Раз мы становимся свидетелями гостиничного конфликта. Худой, высокий, явно рассерженный человек что-то резкое выговаривал портье. Его вежливо слушали. Мы спешили и, дождавшись случайной паузы, попросили ключи от номеров. Консьержка выдала нам ключи. Однако рассерженный человек швырнул свои ключи и ушел. Тираду наших гостиничных работников не трудно было бы предугадать, а здесь портье просто пожимает плечами. И вид и взгляд его говорят: какой рассерженный, раздраженный человек. И все. И тебе хочется в ответ покивать, хотя, возможно, дело совсем не в том, и ты не знаешь, кто прав и кто виноват? Нет, просто портье гасит конфликт и не переносит раздражение на нас.

Нигде тебя не стараются поставить на место. В отелях, кафе, ресторанах Парижа трудится около двухсот тысяч человек, и все они – преподаватели хорошего вкуса, «уроков французского». Водители, где бы вы не встретились, предупредительны. Конечно, выскочив на скоростную магистраль, ты непременно за это заплатишься. А в остальных случаях они пропустят вас, подождут. «Идите, ступайте себе, пожа-

луйста», – улыбнутся вам, если вы ступили на переход.

Немым уроком французского окружающая вас красота стриженных газонов, клумб, сформированных деревьев. И сам вид города дарит тебя ненавязчивой красотой. Большинство домов – старинные, корытообразные крыши в два и более этажей, перегороженные брандмауэрами, из которых высовываются десятки тонких вытяжных труб, окна мансард выглядывают ярусами до шести-семи оконных рядов.

Дома Парижа, как правило, семиэтажные, из серого камня со слабой желтизной. Время наносит на них вековую «патину», делает рельефней. Окна обычно высокие, нередко со ставнями. И характерная особенность – ленты балконных решеток, опоясывающих здание. Эти решетки – особое произведение искусства, редко повторяющееся, со своим индивидуальным узором – черным по серому.

И повсеместно – кафе, кафе, кафе. Маленькие столики внутри за стеклом или прямо на тротуаре, нередко в несколько рядов, где можно сидеть за уставленным сплошь столом или всего лишь с бокалом пива, воды, чашечкой кофе, заглядывая в газету, споря, или смотреть катящуюся мимо жизнь. Красиво всё: машины, прекрасно одетые люди.

Любой выносной лоток или витрина магазина – по-своему произведение искусства. На утренних импровизированных рынках, появляющихся в любом свободном месте (приходит фургон, выгружается лоток, идёт удобная для жителей тор-

говля, перед обедом всё увозится), лотки с прямо-таки выставочными овощами или живой рыбой украшаются гирляндами цветов. И каждый продавец выдумывает чем привлечь и выделиться. Индивидуальное творчество – вклад в общую красоту.

Витрины цветочных магазинов, цветочные вернисажи улиц – очаровывают, но об этом особый разговор. «Пикник на обочине» Стругацких для меня образец совершенной философии и литературы. Планета Земля на обочине звездной дороги, следы Посещения, фигура сталкера. В силу исключительных способностей он проникает в непредсказуемую зону и что-то выносит из неё. Пожалуй, все мы в этой жизни – сталкеры и хотим что-нибудь вынести для человечества и для родной страны. И если говорить о Франции, прежде всего я вынес из неё ощущение красоты.

Тулуза – розовый город

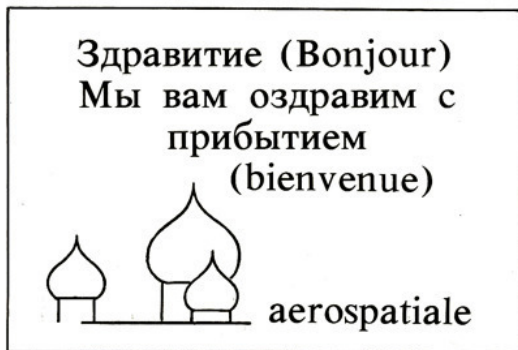
На аэробусе А-300 летим в Тулузу. Слово Тулуза впервые конкретно коснулась моих ушей, когда я (при жизни ещё нашего Главного конструктора С. П. Королёва) сидел в большой светлой комнате «теоретиков» и занимался тяжёлым пилотируемым межпланетным кораблем для полёта на Марс, а рядом талантливый Эрик Гаушус готовился ехать с докладом в Тулузу («в ту лузу», – говорили мы тогда). Не те ещё были времена, и он в Тулузу не попал, а вот теперь мы летим туда, пересекая всю страну с севера на юг. Две ночи и день пробыли мы в Париже, а кажется – столько времени прошло.

Со стороны наш взлет выглядит почти непостижимым. Полный тупоносый фюзеляж самолета почти вертикально поднимается над землей; крылья же с виду непропорционально тонки и кажутся не при чем, и только умом понимаешь, что в профиле этих несущих – вся суть.

Самолет совсем не трясет, и хотя мы рядом с двигателями, не слышен шум. Высоко ценится в наши дни тишина. По словам газеты «Матэн», более половины французов считают основным в жизненном дискомфорте и влиянии на здоровье – шум. Ущерб от шума во Франции оценивается ежегодно в 25 миллиардов франков, шестой частью потерянных рабочих дней и пятой – психических заболеваний.

Салон широк, пассажирские кресла в три ряда: посередине и у окон. Мы сидим у иллюминатора, наблюдаем метаморфозы профиля крыла. Стюарды и стюардессы в перчатках прошлись по проходу перед взлетом, закрывая багажные крышки над головой. Теперь развозят на тележках журналы. «Вам бизнес-журнал или об автомобилях?» Но мне никакой не нужен. Я просто верчу головой по сторонам и словно читаю аэрокосмический журнал. Ведь самолет, на котором мы летим, тоже образчик продукции. Он производства аэрокосмической фирмы «Аэроспасиаль», той самой, чьи детища – «Каравелла» и «Конкорд», а теперь и наши конструкции, которые отправятся в космический полёт.

Накануне мы побывали в Муро под Парижем, в космическом отделении «Аэроспасиаль». Нас встретил самодельный плакат.

Нам подарили проспекты, где в разных видах давалась продукция «Аэропасиаль». Взлетали большие и маленькие самолеты, зависали вертолётёты; ракеты стартовали с разных положений, спутники. Затем был показан рекламный фильм, где много разных ракет попадало в цель. И когда ролик фильма кончился, руководитель нашей делегации пожелал, чтобы все это оружие не выходило за рамки учебных полигонов.

Потом Клод Руе – руководитель отдела спутникового оборудования и ответственный за проект Пьер Пикар рассказали о раскрывающейся конструкции эксперимента «ЭРА». Состоялось обсуждение; многое хотелось узнать и прежде всего виброхарактеристики космической фермы.

На картинке будущий спутник с рефлекторами. Похож на Чебурашку с ушами антенн, распахивающимися и дрожащими, как говорится, мелкой дрожью. Вибрации, колебания – постоянные режимы неопёртых космических конструкций, а вернее опирающихся на самих себя, на свои, так называемые центры инерции.

«Клинг-кланг», – вызванивают в аэробусе вызовы бортпроводников. Сферы их строго разграничены: до половины салона с левой и с правой стороны. Рейс невелик: за час пересекаешь Францию с севера на юг. Тулуза перед испанской границей. Южнее разве что Тараскон, а дальше Андорра и Пиренеи.

В брошюре «Тулуза – космический город» есть фраза:

«Париж, чтобы видеть, Лион – владеть, Бордо – тратить, Тулуза – знать». И верно, в Тулузе около 70 тысяч студентов. Треть их учатся в тулузском университете, основанном в XIII веке.

«Тулуза – розовый город». Большинство его старинных зданий сложено из красного кирпича. «Розовый на заре, красный в полдень, сиреневый в сумерках». В путеводителе по Лангедоку он назван оригинальным, живописным и артистичным, вызывающим в памяти своими историческими кварталами города итальянского Возрождения.

У Тулузы много других имен. «Город фиалок» с фиалковыми полями в прежние времена, да и теперь осенью в его парках, окрестных садах и на агрорынках преобладают пурпур и фиолет. «Столица бельканто», «город палладинов» по имени Андреа Палладио – знаменитого зодчего Ренессанса.

Основанный раньше Рима (корневое слово города – «оза» означает по-кельтски питьевую воду), город играл первоначально роль сторожевого поста на берегу Гаронны, а затем сделался признанным центром художников и артистов Лангедока. Его процветающая торговля, в особенности пастельными красками, стала основой богатства города.

Тулузу можно считать и колыбелью авиации. Непризнанный изобретатель первой летающей машины Клемент Адер вместе с другими пионерами воздухоплавания закладывали здесь первые кирпичи авиации. Отсюда следовали

исторические полеты: в 1918 году Тулуза – Барселона, в 1919-м Тулуза – Марокко, в 1925-м Тулуза – Дакар и, наконец, открытие в 1930 году регулярной коммерческой линии Тулуза – Чили. Отсюда же с небольшого загородного аэродрома совершал почтовые рейсы в Африку Антуан Сент-Экзюпери. В туристическом справочнике говорится, что Тулуза знаменита веселым акцентом жителей, своей командой регби и традиционным блюдом – касуле.

Наш первый званый французский обед состоялся вчера в «Аэропассиаль». В большой гостевой комнате, стены которой украшали рисунки с изображением лошадей, нас ждал изысканный французский стол. Все было вкусно, красиво, обильно, но не для русского желудка (особенно ракушки святого Якоба). В конце обеда вокруг стола возили на тележке множество сыров, и каждый выбирал «по цвету и по вкусу». И тут мне вспомнились давние времена.

Из знакомых в Париже первым побывал Слава Голованов. Блестящий ум, набирающий творческую высоту журналист, он вышел из нашей технической среды и долгое время с техникой не порывал. Вернувшись из Франции, он устроил дегустацию. Центральным блюдом были, конечно, впечатлительные из первых рук, затем сухое вино и множество сыров. Нас удивило их обилие и разнообразие: несколько десятков; однако теперь вплотную мы узнали, что их здесь около трехсот. И это был лишь один пример французской избыточности.

Центральные улицы Тулузы – как бы Париж в миниатю-

ре, дома в три четверти (по 4—5 этажей), короткие улицы. Весь центр при желании нетрудно обойти, однако город разбросан, его рассекает Гаронна, с востока охватывает Южный канал Бордо-Сет, соединивший Бискайский залив и Средиземное море. Южный канал был построен с 1666 по 1681 год, длиной 241 км – гениальное творение инженера Поля Рике. Он позволяет судам через 65 шлюзов попасть из Средиземного моря в Атлантику прямым путем, не огибая Пиренейский полуостров. Канал, конечно, потерял свою былую исключительную роль и стал в наши дни магистралью отдыха.

Живем мы в центре Тулузы: на углу площади Капитоль в двух шагах от церкви Тор, чей деликатный перезвон проверяет наши часы. Наша рю ду Тор, короткая как финишная прямая, ведёт к базилике Сен-Сернен, крупнейшей и прекраснейшей романской церкви Западной Европы, где, по преданию, хранилось тело Сернена – апостола Лангедока, убитого в 250 году.

Рядом с нами гостиница «Гран балкон». Здесь собирались сподвижники Адера – Дора, Латекор, Мермоз – основоположники авиации.

Узкие средневековые улочки, словно ущелья в красном камне, ведут нас с площади Капитоль на улицу Мец. Две основные магистрали города напоминают «историю с географией»: рю д'Эльзас-Лоррен и рю де Мец. Пересекаясь у Церкви августинцев, они образуют крест, замыкаемый по периферии бульварным кольцом.

Ранним утром лучше всего пройти тихими узкими улочками, словно ущельями, вдоль красных стен со ставнями на окнах и выйти к площади Сен-Сернен, обогнуть собор и по сырому тротуару попасть на бульварное кольцо.

Столики у кафе еще пусты, а чаще убраны за стекло, вовнутрь. У входа и внутри теплятся скромные фонарики, и за столами сидят первые редкие посетители, отгородившись ширмой газет.

С одной стороны бульвара на стеллажах раскладываются чудеса ботаники, в то время как на противоположной стороне из фургонов-пикапов вынимают трубчатые конструкции, сооружается сборный каркас, и через четверть часа «промотоварный шапито» открыт под прозрачным тентом.

Удобно. Слов нет. Счастье хозяйки – забежать на минутку на овощной базар, где не только фрукты и овощи, и соленья и сладости, ещё и продукты моря, устрицы разных сортов, и осмотреть мимоходом вещи, которые так удобно выставлены. На легком утреннем ветерке полощутся платья, кофточки, куртки. И этот импровизированный рынок – лишь скромное слабое подобие воскресной торговой ярмарки, что разметнется вокруг древнего собора Сен-Сернен.

Мы идём мимо вымытого картофеля, больших, словно выставочных, томатов, яблок, разновеликих дынь. Ананасы из Гвинеи, кокосовые орехи, бананы, киви, авакадо, клубника в пластмассовых коробочках. Мы спешим, мы проходим торговые шеренги и подходим к памятнику Жанне д'Арк. В

этом месте рынок кончается, но на углу у перехода цветочный магазин. Из него вынесено и установлено на тротуаре море цветов.

Мы переходим бульварное кольцо там, где газетный киоск распахнул свои манящие створки с мириадами толстых газет и ярких журналов. Вместе с нами спешит поток, в многочисленные «эколи» спешат учащиеся. Они одеты в кожаные куртки и мягкие джинсовые по щиколотку штаны. Девушки с виду хрупки, невесомы, похожи на птиц, и кажется, если их покрепче обнять, то хрустнут их тонкие косточки.

У нас ещё есть капелька времени, и мы заходим в крытый рынок, который, должно быть, к тому же и гараж, потому что верхние этажи опоясывает спираль узких наклонных окон. Рынок все ещё готовится к торговле. На наружных наклонных лотках раскладываются овощи, а внутри на витринах с битым льдом уже лежат моллюски и устрицы, рыбы разные, а там свисают десятки колбас, а под сверкающим изогнутым стеклом сотни сыров, от огромного ноздреватого полуметрового клина до крохотных с луковицу, перевязанных и упакованных. Рядом мясо висит и манит свежестью, а дальше вина в бутылках на полках до потолка, и тут же крохотный кафетерий, где перекусывают. А рынок сияет и манит, и пусто, и это – сказочно и странно.

Мы выходим на чистые улицы и спешим, мимо магазина «Зингер» с электрическими машинками, похожими на миниатюрные лайнеры, с холодильниками, телевизорами, мимо

особого магазина, где за огромными стеклами не ванны, нет, скорее ванны бассейны разных форм, точнее ванна необыкновенной формы с золотыми кранами, с телефонами, с площадкой для подноса с завтраком, для бумаг, голубые, кремовые или окрашенные прочими переходными цветами – увидеть и умереть, но мы равнодушно спешим, а рядом торопятся студенты в кожаных куртках и куцых штанах, и на площади нас уже ждёт красивый автобус с улыбающимся шофером.

Нотр-Дам проекта

Работаем мы в школе авиационных техников. Так мы окрестили ее для себя, хотя в переводе название ее звучит несколько старомодно: «Международный центр воздухоплавания и космонавтики». И ещё нужно было добавить «учебный и для иностранцев». У входа мемориальная доска о посещении центра Миттераном, не президентом, а авиационным бонзой – его братом.

Здания центра тянущиеся, соединенные, одноэтажные, охватывающие внутренние спортивные площадки. В зданиях классы, семейные общежития, залы и холлы, где временами готовятся выставки и тогда холлы разгораживаются легкими съёмными перегородками. А сами здания имеют вид строений фазенд, и по углам вместо водосточных труб по старинному спускаются с крыши цепи.

Мы уже знаем, что работающая с нами группа возглавляется талантливым инженером Жоэль Тулуз. Идет увязка концов. Жарко на улице, жарко в работе. Сама Жоэль плохо переносит жару. Неугомонная, в просторном платье-балахоне, она пытается участвовать во всем: отслеживает, вмешивается, но часто ноги её не держат, и она присаживается на корточки, где стоит.

Представьте себе, мадонна на корточках. Мадонны вошли в нашу жизнь с картин Рафаэля, Мартини, Петрова-Водкина

и Лубенникова. Не страсть и любовь, а материнство и забота о будущем. Картины – символы, а здесь, на чужой земле, была живая настоящая мадонна с глазами, удлинёнными оправой очков, в просторных одеждах, скрывающих форму тела. И странно было видеть совмещение организационной суеты зарождения проекта с таинством начинающейся жизни в самой Жоэль Тулуз – мадонне нашего проекта.

Основные направления работы КНЕСа, как я понимаю, это – прежде всего дешёвый космический извозчик – ракета «Ариана», спутники связи и «Спот» и, конечно, корабль будущего – космический самолет «Гермес». И работающая с нами группа, по-моему, имеет сверхзадачу – накопить опыт для будущих пилотируемых полетов.

Мы работаем в учебных аудиториях, а иногда за столами школьного буфета. Я протягиваю Пьеру Пикару – ведущему инженеру «Аэропациаль» несколько марок, посвященных первому пилотируемому советско-французскому полету и другим космическим событиям. Он разглядывает на марке антенны советского космического радиотелескопа КРТ и спрашивает: «Сколько? Какие её размеры?» Я отвечаю: «Дис – десять». Он сокрушёно качает головой. В глазах его удивление. Отчего? Неужели считает себя в этом деле первопроходцем?

Антенна, антенна. С ней был связан на станции «Салют» приключенческий эпизод, и космонавт Рюмин выходил в открытый космос с инструментом, который между собой в ЦУ-

Пе называли «кочергой», и освобождал зацепившуюся антенну. И сколько крови уже испортили и будут портить разработчикам ещё космические крупногабаритные сооружения?

Основная задача этой встречи – дать начальный толчок ходу работ, определить всю аппаратуру, разбить на блоки, описать взаимные стыковки и ограничения. И везде требуется оформление, составляется куча бумаг. Но бумаги бумагами, а хочется познакомиться с конструкцией.

В одной из комнат на столе закрепляется модуль «Амадеус». Это слово – всего лишь аббревиатура французского выражения: Адаптация механизмов для развертывания конструкции космического применения. Но в этом слове мерещится какая-то чертовщина, ведь вроде «Асмодей» – одно из имен дьявола «Asmodeus».

Пускового устройства пока ещё нет. Мне дают в руки ножницы. Я перерезаю связывающую ленточку. И вот рукастая, компактная вначале конструкция начинает разворачиваться. Слабы пружины – приводы шарнира «Амадэ», предназначенные для невесомости, но они разворачивают конструкцию, и она, покачавшись, вытягивается. «Амадеус» – первая материализовавшаяся ласточка, остальное пока в бумагах, и мало времени, чтобы все учесть, не упустить, записать в единственный пока документ, где, как в зерне, – прообраз будущего растения.

Сиреневый в сумерках

Очутиться в любопытнейшем месте мира и не увидеть его? Хотелось всё посмотреть и пощупать, не доверяя словам. Слишком сладко поют о городе его местные патриоты. По их словам, наша площадь, куда выходит окнами наша гостиница, – одна из красивейших площадей Франции. Окаймляющие её здания из красного кирпича.

В Москве, с моего девятнадцатого этажа, видна группа домов красного кирпича, которые мы называем «красные дома» и не считаем чем-то особенным. В десятке метров от гостиничного входа кирпичная колокольня-стена «лучезарного Нотр-Дам-а-Тор» (название связано с мучеником и быком, к которому его привязали). Восторженные эпитеты – скорее дань воображению.

Вплотную с входом в гостиницу магазин надгробных плит. Изящными шрифтами даны варианты возможных эпитафий: любимому другу, теще, матери. С другой стороны дверь в крохотный вьетнамский ресторанчик, где, судя по запахам, хоть и далеко от Бакбо, есть суп из свежих акульих плавников и блюда из устриц, рыб и каракатиц с неизменным соусом ньюк мам. Тянут сюда нас странные ароматы, но у нас заняты вечера.

В один из вечеров руководитель технической группы собрал нас на собрание. Официально он не был главным руко-

водителем, возглавлял делегацию представитель Главкосмоса – нового буферного «государства», но в руководстве он как бы находился этажом выше, а рядом с нами был Триер. Мы назовем его так для удобства дальнейшего разговора. За время этого проекта ему пришлось быть Руководителем Разного Ранга – сокращено РРР или Три-ер для определенности.

Так получилось, что за время этого проекта он недостижимо взлетел по служебной лестнице, а в конце его опять вернулся к нулю, как старуха в сказке о золотой рыбке.

Триер – опытный «международник». Я помню его исполнителем инженером-проектантом. В период редкого тогда международного проекта «Союз – Аполлон», во времена его административной молодости, возникла потребность в упорядочении массы бумажных дел: архивных, переводческих, оформительских. Возникла группа («крысы бумажные»), отслеживающая прохождение входящих – исходящих бумаг. Но мало кто тогда понимал, что эти лоцманы бумажного моря прибрали к рукам и власть.

В эпоху массовых полетов космонавтов социалистических стран «триеры» оформляли бумаги, не забывая и о себе, ездили с разными специалистами, якобы их организуя, писали отчеты по командировкам, носили на подпись предложения по сотрудничеству, являясь как бы негласными руководителями, превратясь в надтехнический орган, местечковое министерство иностранных дел.

В этой поездке Триер считал себя общим руководителем. Он непрерывно жучил, натаскивал нас – «салаг». С Саккотом – французским руководителем предыдущего проекта он выставлял себя прожженным крючоктвором. Он этим гордился, что оставлял везде свои намеки и оговорочки, которые

и выуживал из протокола в нужный ему момент и нас учил. «Даже тогда, – говорил он нам, – когда всё по проекту было окончено, Саккот с испугом смотрел на меня: „Ну, что? Что вы еще там вытащите?“». Как позже выяснилось, в действительности всё было не так, он нас запугивал, чтобы на нашем фоне выглядеть решающим и раскованным.

Сам он практически ничего не делал. У него был штат, некий административный аппарат, который носился с бумагами и имел чутье вынюхивать, в какую заграничную поездку можно включить и себя. Конечно, они были вовсе не нужны по делу в поездках, куда необходимые специалисты берутся на счёт, но так уже повелось, что специалисты на общем корабле разобщены и заняты делом. И дальше всё представлялось, как милость аппарата Триера, а он, выезжая за границу, имел руководящий ореол, и в этот раз, когда многие приехали впервые, он прямо-таки выходил из себя.

– Вы что? Почему вы без разрешения вчера болтались по городу? – напрягался Триер. – Вы думаете, всё вам дозволено?

– Как? – отвечали мы. – Мы же ходили с вами вместе.

Оказалось, Триер смотрел на всех, а обращался к Митичкину. Несчастный Митичкин. Ему и так доставалось больше всех: и за минутное опоздание к автобусу; и за то, что, когда все стадом бродили по городу, он остался в гостинице.

– Вы что, приехали на экскурсию?

Триер кричал, словно мы действительно были стадом и решились бежать дружно, не останавливаясь, жадно взирая по сторонам, и только бич пастуха Триера, его сознательность заставляла нас не разбежаться и держаться гуртом.

Собрание неожиданно закончилось, и все оказались свободны, а нам, кураторам экспериментов, досталось к утру написать базовый документ. Мы были в Тулузе всего лишь несколько вечеров. Но в этот, сидя в зашторенном номере гостиницы, я чувствовал себя точно в комнате с матовыми стеклами из рассказа «Пари», куда забросила героев фантазия Александра Гриневского и фирма «Мгновенное путешествие», и я был согласен с писателем, что «непосильно находиться в одном из чудесных уголков Земли, не имея возможности смотреть и быть...». А рядом на площади шумела праздничная толпа.

Собственно, отель не создан для работы. Моя огромная на одного комната – всего лишь спальня. Коричневые обои, ставни на окнах, и свет только где-то в стороне, у кровати. На всю комнату разметнулась, занимая номерное пространство, кровать. На ней мы будем сидеть всем табором (потому что, поужинав, как не поговорить) и обсуждать дела, на ней

я всю эту ночь стану писать рабочие документы, потому что свет лишь

в стороне над окном и прикрыт шторой и бра у кровати, и нет стола. Отель здесь по всем правилам: место для сна, большая удобная спальня, а то, что мы пытаемся использовать его на свой лад, – наши трудности.

Что мы увидели в Тулузе? Походили по центру, вблизи площади Капитоль. Она сравнительно невелика, с футбольное поле. По одну сторону здание мэрии; в крыле его оперный театр. В нём начинали, говорят, многие известные певцы. В дни нашего первого пребывания здесь выступал с гастрольями Марсель Марсо.

Площадь «многоступенчатого» использования. По утрам, когда её покидают ночевавшие здесь автомашины, она недолго пустует. На ней раскидываются торговые лотки, раскрываются тенты и идет торговля: от изделий народного промысла до грошовых книг. В полдень все бесследно исчезает, а к вечеру это снова стойбище машин, за исключением тех вечеров, когда, как и теперь, на площади гуляние. Музыка, пляски в национальных костюмах, и каждый может принять в них участие и двигаться в танце с характерными прыжками. По периметру площади иллюминация, и музыка гремит, а ты один в запертом номере, со странным светом у лужа-кровати строчишь листы документации.

Ох, как хотелось мне тогда взглянуть на праздник загадочного города и пляшущих людей, но нет, некогда, и ты уви-

дишь только утреннюю площадь, когда завтра в последний раз поспешишь к автобусу.

Три дня мы работали, ощущая острый дефицит времени. По согласованному руководством графику мы возвращались в Париж, а многие французские специалисты оставались в Тулузе, и нужно было не только успеть обсудить, но и согласовать протокол, записать в него всё.

Тулуза. Тулуза. Что тогда запомнилось? Центральные улицы и боковые – чрезвычайно узкие, на серых стенах которых надписи: от «Ле Пен – свинья» до «Русские вон из Шербура». Разная молодежь: ступающая чинно с книжками в библиотеку, бесцеремонно целующаяся и обнимающаяся, где возникает минутное желание, коротающая время в кафе, подъезжающая сюда на огромных конях-мотоциклах. И управляющая им девушка-подросток казалась нам смелой амазонкой, когда вырулив на тротуар и сдернув с головы шлем, она идёт в сторону столика кафе.

Рокеры, несущиеся со снятыми глушителями, по узким улицам города. В этих средневековых улочках они смотрятся современными варварами. И кажется, город притаился за бойницами окон и смотрит, разглядывает с осторожностью ворвавшихся новых врагов.

Как они шумом мешали нам. Короткие ночи, когда нужно выспаться и отдохнуть, кончались, когда начинался страшный шум – закрывалось кафе на площади и с ревом отъезжали мотоциклы.

В последний день отличился мсье Сермен. Именно с ним мы конкретно работали по эксперименту «ЭРА». Через час нам уже уезжать, а основные положения подготовлены были только на русском языке. На словах всё согласовано, но нужно было подписывать текст. И Сермен стал записывать перевод. Несколько десятков страниц переводилось ему с листа, а он писал и писал каллиграфически четким почерком, успевая

по ходу осмыслить записываемую суть. Документ вроде бы свалился ему на голову в виде увесистого рабочего кирпича. Он записывал быстро, умело, безропотно, хотя нередко поначалу согласование увязало в словесных ухабах. Но так получалось не с Серменом, и за это я благодарен ему.

Блоха, ха-ха-ха

В Париже стало чуточку легче. Всё шло к концу. Подчищали текст. И вот наступило воскресенье. Утро не предвещало ничего особенного. Был самый обычный воскресный день. Мы провели его вместе, и позже вспоминали в деталях.

С утра мы отправились на «блоху». Да, чтобы вы там не говорили, как бы себе не объясняли, однако в Париже вы обязательно попадаете на Блошиный рынок – «блоху». Туда, как в Рим, ведут разные дороги – любопытство, влечение к экзотике, меркантильный интерес, невинное домашнее хвастовство: «Вы знаете, я был на блохе».

Справившись со словарем, мы обратились к консьержке, и она с готовностью ставит крестик на северной окраине плана Парижа. И вот мы в метро короткими перегонами мчимся по линии «Балар-Гретель префектур», затем пересев на «корреспонданс» «Страсбург – Сен-Дени», до конечной станции «Порт Клинанкур».

В воскресный день я был со «старшими товарищами» – Триером и Лёней Горшковым из старой гвардии, тех ещё первых, «божьей милостью», проектантов, что занимали известную торцевую комнату в КБ – «инкубатор» руководящих сил, где совершалось таинство проектирования первого космического корабля.

От метро дорогу уже можно не спрашивать, а нужно про-

сто смешаться с толпой туристов, обнимающихся с бесцеремонностью, словно они в своей спальне, панков с петушиными коками и чернильно-дикими пятнами на обесцвеченных головах. И вот начинаются рундуки, лотки, шапито торгового города в городе. Проходы, лавочки, полные товара, с виду нового, и груды дешевого тряпья. Одежда, обувь, обмундирование, каски, оружие. Мы то свободно идём, то протискиваемся сквозь толпу в местах, где играют в игру типа нашего «трехлистника», что играли после войны инвалиды на базарах. А потом на окраине рынка мы бродим с Лёней среди пустующих антикварных лавок, набитых дворцовой мебелью и неожиданными вещами вроде огромного деревянного пропеллера или якорных цепей. Мы бродим, и Лёня спрашивает на своём не очень совершенном английском:

– Есть ли у вас недорогая декоративная сабля?

Мы то расходимся, то сходимся – я, Лёня Горшков и Триер. Встречаемся вдруг с медицинской группой, и Ада Ровгатовна Котовская выдает Триеру всё, что она о нём думает, потому что он небрежно ответил на существенный для неё вопрос: что он уже купил? Со мной Триер просто не разговаривает. Таким, как я, новичкам он попросту затыкает рот. В дальнейшем это привело к тому, что мы его игнорировали, и он имел информацию только от своих услужливых «рыб-лоцманов».

Но странное дело, интеллигентный Леня Горшков тратит на него массу дорогого времени, все растолковывает и отве-

чает на всякий вопрос мягко и уступчиво. И Триер иначе относится к нему, к нам же не иначе, как со словами: «Вы просто, я смотрю, обнаглели...»

Я объяснял себе поведение Горшкова положением за границей, где всё на виду и каждый шаг может стать поводом для последующего обсуждения, в котором арбитром будет Триер. Я ещё не знал, что коридоры власти приглашали Триера наверх, и по возвращении он незаслуженно и молниеносно вознесётся высоко-высоко.

Потом мы отправились в Лувр. В воскресенье в Лувре, как и в других музеях, вход свободный. Велик и наплыв туристов в этот день. Одни прибывают сюда в огромных автобусах, другие своим ходом, нередко с ребенком за спиной. Пространство между крыльями Лувра было в те дни огорожено, там создавал свою пирамиду И. М. Пей, и мы вошли в музей

со стороны набережной.

У входа на лестницу дежурный проверял сумки. Что он искал? Фотографировать в залах музея разрешено, выходит, не фотоаппараты. Нельзя, оказывается, вносить, например, пакеты из пластика. Поток посетителей велик, и создается особая атмосфера, губительная для картин. Но мы при входе тогда недоумевали: что же он ищет?

Вошли мы, видно, нестандартно, не так, как намечен осмотр. На первой лестничной площадке стояла бронзовая Виктория. Она была, должно быть, не особенно известна.

Крылья ее были устало опущены, и она задумчиво чертила на щите копьем, может, подводя очередной победный итог, подсчитывая цену победы; возможно, это была пиррова победа и нечему было радоваться. Мы поднялись ещё выше и вступили в свой первый зал. Был он высок, выкрашен под потолок в бордовый цвет, стены в полотнах: Давид, Давид, Давид. Мы вошли в зал и уперлись в «Большую одалиску» Энгра, надменно взиравшую на нас со стены.

Потом это стало как бы традицией – входить от усталой, не очень признанной Победы и первым делом встречаться с Большой одалиской Энгра. Картина эта – сравнительно невелика, с оконный проём. Спиною к зрителям, неестественно повернув голову, лежит обнаженная женщина. Она неподвижна, статична, предельно холодна и с равнодушием смотрит на толпу. Сама она остается в прошлом. Ее загадочный кукольный взгляд казался мне глубже выражения Моны Лизы, которая выставлена через несколько залов, неподалеку, а через несколько кварталов вдоль Сен-Дени стояли современные одалиски, ловя взгляды проходящих мужчин: «Уи?», «Ва?»

Не мы, казалось, разглядывали Большую Одалиску, а она нас. Мы будто в фокус попали, где перемешаны время и место, и всё завязалось общим узлом. И Энгр играл в оркестре города Тулузы, потом там же солировал, потом стал учеником Давида.

Картины, картины, вереницы картин. Горшков вдруг ска-

зал с удручающей деловитостью: «Я в этом вопросе на коне...», – и повёл Триера по Лувру, точно по КИСуЗ* почётного визитера, объясняя по ходу содержание и символику картин. Триер спрашивал и старался запомнить, а я отстал. Находясь в окружении шедевров живописи, мне хотелось остаться с ними один на один.

У Моны Лизы ворочалась, не иссякая, толпа. Вспыхивали блицы. Одни прижимали к ушам разовые диктофоны, другие слушали нанятых экскурсоводов. Стекло картин мешало, и нужно было отыскать удобную точку. Туристы стойко переносили трудности. Так велика ещё вера в уникальность и славу картины. Известно, правда, из газет Швейцарии, что в сейфе банка Лозанны заключена выдающаяся пленница – вторая «Джоконда». И в Лувре есть сведения, что Леонардо да Винчи нарисовал два портрета, и скрытый двойник может пошатнуть сегодняшнюю исключительность луврской Моны.

На лестничной клетке вытягивала знаменитый свой торс Ника Самофракийская. Такой собственно я её и представлял: сильное тело, удивительной красоты грудь (грудная клетка), узкие бедра. Вся она – сила и порыв. Только выглядела она здесь не так, как на носу корабля, а словно церквушка, стесненная многоэтажками зданий. Я походил, посмотрел и, пользуясь здешними свободами, забрался на выступ у лестницы, и Ника эффектно открылась мне.

Воспитанный на иллюстрациях, я проскочил было ми-

мо Пуссена. Шедевры прошлого мне представлялись в виде огромных полотен, соизмеримых со славой автора. А тут Никола Пуссен в огромном длинном и самом красивом зале висел где-то посредине целой серией картин размером не больше рабочего чертежа.

Я не знаток и не ценитель живописи. Мне по душе больше фотография. И Пуссен привлекал меня больше как человек необычной судьбы. Он был, мне кажется, сродни Александру Иванову, который жил в той же Италии два века спустя. И тот и другой творили для родной страны, находясь вне её, и были реформаторами живописи, при жизни не признанными у себя. В бальзаковском «Неведомом произведении искусства» героем тоже оказался Пуссен, но названный так в честь великого Пуссена.

Итак, я считал, что живопись по большому счёту просто не для меня. Со мной она сосуществует как бы сама по себе, не задевая и не тревожа, а просто доказывая, что существует искусство, но менее яркое, чем сама жизнь, а потому требующее снисхождения. Но вот, листая иллюстрированное издание энциклопедического словаря «Пти-Ларус», в картинках, отобранных Ларусом, я открыл созвучную мне красоту. Картины словно поднимали меня и звали в полет вместе с человечеством.

В дальнейшем с Лувром так и повелось: торопливо входишь по неглавной лестнице мимо скромной задумчивой

Виктории, поздороваться с Одалиской, к утопленнице, а потом ко всему, чего душе угодно, например в античный отдел, где в одной из маленьких проходных комнат Венера Милосская, и постепенно обходишь её темное тело, чтобы непременно найти свою точку обзора. Или в рубенсовский зал, где огромные заказные полотна Марии Медичи, перекочевавшие сюда из Люксембургского сада... или...

В тот день наша общая встреча группы была назначена у Нотр-Дам. Выскочив из Лувра, я торопливо сделал несколько снимков, и мы спеша отправились на randevu. Триер безапелляционно изрекал, а мной хороводил бес, и я, не бывая здесь ни разу, повёл, как Сусанин группу, всех. Я рисковал. Мы опаздывали. Я понимал, сколько будет крику, приди мы не туда, но смело командовал: «направо, налево, налево», – и все трусили за мной следом. На присоборную площадь я вывел тогда всех самым оптимальным путём.

Мы бродили потом по эспланаде Инвалидов. Было пусто вокруг, далеко впереди подростки выгуливали огромных псов, в стороне на скамье под деревьями целовались лесбиянки. Триер и Лёня Горшков улеглись на газонную траву и закурили.

– Ложись, – скомандовал мне Триер.

– Нет, – возразил я, словно совершал акт гражданского мужества.

Бесцеремонность Триера рождала во мне страсть противоречия:

– Я и дома на траве не лежу.

Между тем «старшие товарищи» не обращали внимания на меня. Они лежали и курили, образуя живописную группу «Перекур на траве». Триер вдруг взглянул с недоумением на меня, как будто комар об особом мнении объявил или зафилософствовал вдруг.

Потом мы прошли по мосту Александра Третьего до Пти-и Гран-пале. Афиша на нём извещала о выставке мраморных и восковых скульптур: от шестиметровой святого Михаила до тридцатисантиметровой купальщицы.

Триер постоянно изрекал, я возражал. В конце концов мы надоели друг другу.

– Пока, – объявил Триер, отправляясь в гостиницу, а мы пошли с Леонидом по Елисейским полям и, так как дело было к вечеру, в конце концов очутились на набережной Нью-Йорка, у моста, где, применяя подручные средства, пристроив на парашюте камеру, сфотографировали, уместя в кадр, светящуюся Эйфелеву башню.

Дни и ночи

Отсюда, из парижского далека, тулузская жизнь выглядит провинциальной. Это касается и гостиничного интерьера: обои прямо под потолок, их крупный рисунок, свет где-то в стороне, а не над рабочим столом, отсутствие телевизора в номере. В Тулузе телевизор был общий, один, в коллективной просмотровой, а здесь индивидуальный, в номере.

Его включали проснувшись, хотя можно было смотреть всю ночь или в безвременье под утро, когда повторялись зацикленные новости. Важна для нас и синоптическая карта. Она не требует перевода. Местами на ней чернели тучи с пролившимся дождем и облака, из-за которых выглядывало солнце именно в той степени, в какой прогнозировались солнце и облака. Рядом стояли цифры температуры воздуха. Как правило, карту комментировали молодые женщины. Ведущие с ними весело шутили, и погода подавалась легко и весело. Затем начинались последние известия. Раз среди них мелькнуло знакомое: Земля из космоса, ажурная ферма, уходящая в космическую темноту, а рядом неуклюжие фигурки в скафандрах.

Что это было? Проведенный уже после нашего отъезда выход или прежние кадры? В целом «Маяк» готовился в ошеломляющем темпе. В начале 1985 года согласовывались его стратегия и планы. В мае очередной экипаж уже знакомился

с аппаратурой, а через месяц она уже ушла на орбиту.

Так что же было теперь? Ведь планировался ещё один дополнительный выход в открытый космос. Неужели его провели теперь без меня? Мы расспрашивали французов. Но нет, это просто была ретроспективная передача. Вспоминали трагедию «Челленджера», наш выход, и в итоге изрекалось лестное: в настоящее время только Советский Союз выводит людей в космос.

Трагедия «Челленджера» оставалась у всех в памяти. В начале года один из четырех американских челночных кораблей «Челленджер» взорвался на глазах потрясенных зрителей через минуту после старта.

«Челленджер» означает – «бросающий вызов». В справедливости его названия никто не сомневался. Рональд Рейган после третьего полета так поздравил экипаж, взлетевший и приземлившийся в ночное время: «Ваш полёт еще раз продемонстрировал надежность и пригодность космических челноков для любых работ в космосе».

«Сегодня утром между 72-й и 75-й секундами после запуска, – сообщили американские агентства, – челночный космический корабль „Челленджер“ превратился в гигантский огненный шар и взорвался. Семь членов экипажа, в числе которых была Криста Маколифф из города Конкорд, штат Нью-Гэмпшир, по всей вероятности, погибли. Обломки космического корабля, стоимвшего 1,1 миллиарда долларов, рухнули в Атлантический океан приблизительно в ми-

лях от космодрома, расположенного на мысе Кеннеди...»

Астронавт Джудит Резник с Кристой Маколифф – финалисткой конкурса «Учитель в космосе» – составляли женскую часть экипажа. В ходе этого полета планировалось запустить и снова взять на борт челночного корабля ИСЗ, который должен встретиться с кометой Галлея. Намечался вывод и спутника связи, который стал бы частью коммуникационной системы корабля.

Криста Маколифф готовилась провести два урока по 50 минут из космоса, которые бы транслировались для сотен школ. И вот она погибла на глазах отца, матери, мужа, детей, третьеклассников её класса.

По трагической случайности искорёженный осколок «Челленджера», поднятый после катастрофы с океанского дна, имел надпись «Аварийный выход». Но выхода не было.

Трагедия разразилась именно в тот день, когда Америка добилась выдающегося космического достижения. Автоматический «Вояджер-2» через восемь с половиной лет полета передал на Землю уникальные снимки Урана. На борту «Вояджера» имеется визитная карточка землян – золотая пластинка, послание разумным обитателям космоса. Из-за катастрофы в пилотируемых полетах Америки первоначально был объявлен полугодовой перерыв, но затем последовали взрывы ракет «Титан-34Д» и «Дельта», повлекшие за собой длительный перерыв – на всё время нашего проекта.

Этот год всем раздавал непереносимые удары. О собы-

тиях в Чернобыле я узнал на первомайской демонстрации. Впрочем, толком никто ничего не знал. Мы шагали мимо праздничной трибуны подмосковного городка, кричали «ура» в ответ на здравицы в честь покорителей космоса и вполголоса обсуждали событие, масштабы которого тогда никто не представлял. Много позже будет заявлено: «Мы пережили атомную войну...», а тогда, в мае 1986-го наши газеты наводили, как говорится, тень на плетень.

мая «Правда» напечатала заметку «Пожар на английской АЭС». В эти же дни на пресс-конференции для журналистов в пресс-центре МИД упоминалась авария в США в 1979 году и было сообщено, что 26 апреля в 1 час 23 минуты на четвертом блоке Чернобыльской АЭС произошла авария с частичным разрушением активной зоны реактора. «По результатам систематического контроля радиоактивного загрязнения местности на территории Украинской, Молдавской, Белорусской ССР уровень радиации не превысил нормы радиационной безопасности, установленной МАГАТЭ и Минздравом СССР».

В своих посмертных записках академик В. А. Легасов писал: «...мне тогда и в голову не приходило, что мы движемся навстречу событию планетарного масштаба, событию, которое, видимо, войдет навечно в историю человечества, как извержения знаменитых вулканов, гибель Помпеи или что-нибудь близкое к этому...»

...Когда мы подъезжали к станции, поразило небо. Уже

километров за 8—10 до неё было видно малиновое зарево... Начались облёты, внешние осмотры состояния 4-го блока. В первом же полёте было видно, что реактор полностью разрушен, верхняя плита, герметизирующая реакторный отсек, находилась почти в вертикальном положении... Из жерла реактора постоянно истекал белый в несколько сот метров высотой столб продуктов горения, видимо графита, а внутри реакторного пространства было видно отдельными крупными пятнами мощное малиновое свечение...»

Беда была где-то рядом и чудом не коснулась Москвы. Сотрудники института Патона привозили на обуви киевскую пыль, заставляющую бешено щёлкать счётчики. На нашем Митинском кладбище появились ряды безымянных могил, и только позже возникла временная надпись: «Здесь покоятся люди, которые приняли на себя удар ядерной стихии». Шесть пожарных, девятнадцать работников атомной станции, две женщины из невоенизированной охраны. На памятниках короткие, иногда двухнедельные интервалы жизни после взрыва.

В юности я обожал философию. Затем всё это ушло, и теперь образцом литературы и мировоззренческого пророчества я принимаю, например, «Пикник на обочине» Стругацких. В «Пикнике» всё задевает: и сам факт посещения Земли, оказавшейся на обочине звездной дороги, и фигура сталкера, проникающего в Зону Посещения. И невольно думаешь, что все мы – сталкеры, выносящие из зоны в меру сил

для человечества.

Здесь, в Париже, в переплетении скучных улиц неподалеку от французского Министерства обороны я наткнулся на странную афишу на голой стене с одиноким деревом и человеком, лежащим под ним на траве, а дальше пространный перечень стран и фирм – участников производства фильма и субсидирования. С моим французским я перевел тогда «Жертва», хотя название нового фильма Тарковского было – «Жертвоприношение».

Ещё у нас не прошла очистительная волна гласности, и о Тарковском, творившем в те дни на Западе, вообще не упоминалось, а жить ему оставалось уже чуть-чуть. Жертва? Чья жертва? А мимо на министерский прием спешили разряженные пары. Скоро нашего талантливого современника не станет. И для меня эпитафией и завещанием выдающегося мастера останутся его слова, вычитанные в журнале «Искусство кино»:

«... Приступая к работе, художник должен верить в то, что он первым воплощает то или иное явление в образ. И только так, как он его почувствовал и понял. Художественный образ – явление всегда уникальное и совершенно неповторимое».

И еще «дни и ночи»

Вдруг всё переменялось. «Аксакалы международного сотрудничества» и мы – вчерашние новички поменялись местами. Мы – новички жили в поездке коммуной, а «ветераны» с нами не общались, куда-то их приглашали, и

по утрам они пробуждались трудно, а завтрак заказывали в номера. Триер обращался с нами все хуже и хуже, и тут всё переменялось.

Тот понедельник сделался действительно для всех нас тяжелым днем. Автобус привез нас на заключительное заседание, но тут же вернулся с Горшковым в гостиницу, где он якобы оставил паспорт. Ни денег, ни паспорта, ни авиационного билета в гостинице не оказалось. ЧП! Заключительная церемония не радовала. Мы вспоминали вчерашний день.

– Меня вчера с вами не было, – предупредил Триер.

– Хорошо.

Только позже я понял, что в основе его поведения лежало несколько фундаментальных причин: флотационные процессы выносили Триера наверх, в верхние эшелоны власти.

– Вы, может, не поняли? Я с вами вчера вместе не ходил.

Какие-то скрытые пружины толкали Триера, и он не хотел рисковать. С нами он не церемонился.

– Не ходил и не говорил, оставался в гостинице...

– Хорошо, хорошо.

Визит в посольство теперь превращался из формальности в необходимость.

В посольском двореике, огороженном высокими стенами здания-крепости, был обычный привычный московский мир: судачили бабушки, играли дети. И на этом нашенском (среди Парижа) клочке земли я впервые увидел вблизи живого писателя-классика. Мы столкнулись с ним и его молодой восточной женой в посольской лавке, где она отбирала роскошные головные платки. Чуть-чуть волнуясь, она показывала: этот, этот и тот...

Затем классик курил во дворе со своим приятелем, и о жене он сказал: «Теперь её оттуда не вытянешь». Он только что закончил свой чудесный роман, где лучше всего описывались волки, но с должным гражданским мужеством он поднимал завесу отечественного наркобизнеса. Я вскоре видел его на трибуне съезда писателей и в зале союзного парламента, но все это уже с телеэкрана. Потом он войдет в президентский совет, рождая недоумение: зачем ему это? И все-таки он – молодец!

Только лишь год спустя наши газеты начнут открывать завесу над истиной. «Мне пятнадцать лет. С тринадцати лет колюсь. Да, я – наркоманка. Я боюсь саму себя, я боюсь умереть, но ничего не могу поделать с собой. Я пыталась, но все напрасно». Республики принимали указы «О мерах по уничтожению дикорастущей конопли и опийного мака». Но это было потом, а пока мы во все глаза смотрели на классика, а

вернувшись на родину, раскрыли его новый роман.

Вечера, а точнее ночи, мы делили с телевидением. В программе «Мир животных» выступила пятидесятилетняя Брижит Бардо. До этого я видел её в пародии на американские вестерны, где она вместе с Клаудиа Кардинале выполняла немыслимые трюки, лихо скакала на коне, стреляла, участвуя в ограблении поезда. А теперь она кротко призывала беречь природу и любить животных. Закончив кинематографическую карьеру, Брижит Бардо стала адвокатом кошек и собак. В ее доме 60 кошек, 11 собак и прочие животные.

И ещё был большой футбол. Начался мексиканский мировой чемпионат. Прямые трансляции проходили ночью. Собираться было неудобно, так как была глухая ночь, но каждый в номере на собственный страх и риск глядел на расчерченное зеленое поле в телевизионном окошке.

Мы «присутствовали» там, на стадионе «Ацтека», в полсотни километрах от знаменитых пирамид Луны и Солнца с изображением пернатого Кетцалькоатля, и первый матч нашей сборной выглядел чудом. Он был тем самым, долгожданным, в который верили, ну, наконец-то, радовались хоккейному счету с венграми, и он казался нам увертюрой грядущих побед.

В Тулузе, правда, заместитель тулузского отделения КНЕСа Жак Бретон назвал венгерскую сборную маленькой командой и показал самый кончик мизинца. Но мы считали иначе – венгерскую сильной, а нашу ещё сильнее её.

Но дальше, к несчастью, всё пошло по Бретону. Ничья с французами, и много хороших слов, в том числе и от Платини. И вот поражение от бельгийцев, и наше обычное – махание после драки кулаками: «Второй гол в ворота Дасаева был забит из положение „вне игры“» – заявил после матча Лобановский. А футбольный поезд шёл себе уже без нас.

Мы были в Париже во время матча чемпионов Европы и мира. Газеты писали: «Париж сегодня смотрит большой футбол». Во время игры итальянцев и французов парижские улицы были необычно пусты. Но кончился матч, и они ожили. В метро мы стали свидетелями подростковой «вакханалии»: парни вскакивали на кресла, кричали, танцевали. И только характерный жест – «Виктория» – не позволял усомниться: переживали победу. Впервые за шестьдесят лет сборная Франции в официальном матче победила итальянцев.

Подводя итоги чемпионата, Марадона назвал лучшей игрой Бразилии и Франции: «Бразилия должна была победить, но удача улыбнулась Франции». Пеле говорил перед матчем ФРГ – Франция: «У меня нет сомнений в победе чемпионов Европы. Западногерманская сборная ничем не блещет. Кроме того, она разучилась забивать». Жизнь перечеркнула эти прогнозы. Сборная ФРГ победила французов и уступила Аргентине. Прав оказался только Марадона, который перед чемпионатом сказал: «Нынешний турнир станет чемпионатом сборной Аргентины и моим. Ни на секунду в этом не со-

мневаюсь».

Футбольный итог был уроком и остальным. Нужно вовремя делать всё, а не рассуждать после игры.

Мы покидали Францию в июньские жаркие дни. Помню туристов, шедших по авеню Бурдонэ босиком, но почему-то вспоминаются и парижанки, носившие в эти жаркие дни необычные сапоги-сандалеты. Стояла действительно редкая жара.

По приезду мы встретили тех, кто уезжал во Францию по другой международной программе – КМП (коллектор метеоритной пыли). Такой эксперимент уже проводился на станции и предлагалось его расширить. Мы поздоровались с Геннадием Жуковым, который был, как всегда, подтянут, энергичен, весел и жизнерадостен. И как нам было тогда догадаться, что жить ему оставалось несколько дней. Когда из Парижа пришла печальная весть о его кончине, не верилось, что с виду пышущий здоровьем, вечно улыбающийся человек – не жертва заговора или террористического акта.

За сутки до этого в холле Центра управления полётом мы подвели итог телепатического сеанса. Ирина Чебаевская слушала мой отчет на тему «Париж, Париж» и очень вежливо, как на семинаре по международной политике, спросила про терроризм. Сугубо наивным казался тогда её вопрос, как и вопросы знакомых с парижской жизнью по газетам, по книгам, по фильмам, что, впрочем, часто не мешало их уверенности и позволяло им даже учить отъезжающих, как нужно

вести себя за рубежом.

– А терроризм?

И я с беспечностью неведения рассказывал о полицейских с расчехлённым оружием, о вооруженной до зубов охране посольства, и выходило по пословице: «слышал звон...» Так мчится часто по улицам скорая, сигналиая, но не задевая тебя, а вот коснется и наполнится ужасом её повседневный звон. Потом были и выстрелы в переходе метро, и ловля под самой Эйфелевой башней не знаю в чем провинившихся арабов, и арест темнокожего юноши на подходе к Блошиному рынку, и убийство Дульчи Септембер. Но это было потом, а пока, как отличник, прочитавший учебник, я бодро пересказывал, «что я видел», и по моим коротеньким впечатлениям выходило, что ощутимого терроризма нет. Я знал о нем больше по газетам. Когда-то были грабители и протестующие одиночки, как в старом классическом фильме, что нам показывали во ВГИКе, «День начинается», в котором отстреливался молодой Габен. Теперь терроризм – повсеместное явление.

Я читал об озабоченности мексиканских властей перед футбольным чемпионатом, о патрулировании испанских курортных городов, о похищениях в Бейруте. Да и французские публикации: ограбление марсельской сберкассы, где бандиты скрылись по заранее вырытому тоннелю, в котором был и телефон и ковровая дорожка. Газеты писали: «по классическому сценарию... За последние пять лет во Франции

было совершено 110 нападений на банки».

В Нанте во время суда над местными гангстерами преступники захватили суд, а затем беспрепятственно скрылись. В парижском музее «Мармоттан» бандиты обезоружили охрану и захватили девять знаменитых полотен импрессионистов, в том числе и «Впечатление. Восходящее солнце» Клода Моне, которая дала название импрессионизму.

Взрыв в левом крыле Версальского дворца уничтожил произведения искусства, которые удалось сохранить от разграбления гитлеровской дивизией «Дас райх», уничтожившей Орадур. Этот варварский акт приписывают нападению на большой Версаль «маленьких саламандр». До этого ими на месте 26 взрывов оставлена визитная карточка «Маленькой саламандры». Они объясняют свои преступления «борьбой против господства французской культуры в ущерб бретонской», но почерк и средства ведут к легионам фашистских формирований, созданных в конце второй мировой войны.

Но есть, существует и государственный терроризм. В газетах опять замелькала пара мнимых «супругов Тюранж», раскрытых теперь агентов французской спецслужбы майора Алена Мафара и капитана мадам Доминик Приер, причастных к взрыву на судне «Рейнбоу Уорриор» в июле прошлого года. Пловцы-подводники прикрепили к днищу две магнитные мины, и судно, следовавшее с протестом к атоллу Муруроа – французскому ядерному полигону, было потоплено.

При взрыве один человек погиб. Причастность французских спецслужб сначала начисто отрицалась, затем всё тайное стало явным.

Ушли с постов министр обороны Франции и главный шеф внешней безопасности. «Супруги Тюранж» были осуждены и отправлены отбывать десятилетний срок в новозеландскую тюрьму. Правительство Франции выплатило компенсацию в виде семи миллионов долларов и открыло дорогу товарам Новой Зеландии в страны «Общего рынка».

Но Геннадий Жуков стал жертвой не этих разновидностей терроризма, а, пожалуй, нашей собственной осторожности. Столько советов, предупреждений, наказов несет в себе отъезжающий. «Не снимай пиджак с документами... Ни в коем случае... Вспомни Горшкова...» И он мучился, должно быть, попав в парижскую тридцатиградусную жару из московской прохладной погоды. И все эти хлопоты, когда не знаешь – едешь ты или нет, и все заботы, помимо технических, ложатся нагрузкой на хрупкое сердце специалиста, и сердце не выдерживает. Геннадий неожиданно упал на улице, и, несмотря на усилия парижской реанимации, умер в санитарной машине, и в свидетельстве о его безвременной смерти появилось место командировки – Париж.

И потом добавлялись новости по газетам. «Ужас становится обычным», – напечатала на развороте газета «Либерасьон». В «Фигаро» подводится неутешный итог: «Пять покушений за десять дней», и мелькают знакомые места: об-

наружена бомба в парижском метро на станции «Лионский вокзал».

Взорвалась бомба в парижской мэрии, в кафетерии Дефанса, на Елисейских полях, в префектуре полиции, рядом с Нотр-Дам. Трое убиты, ранено 98 человек, в их числе женщины и дети. А теперь шестой и самый страшный взрыв, в «Тати» на улице Ренн.

Универмаг «Тати» в двух шагах от монпарнасского небо-скреба. Магазин для бедного люда с вечной толчеей выходцев из Африки и стран Востока. Здесь у выходов дежурят проверяльщики: не вынес ли что-нибудь неимущий покупатель? До сих пор бомбы маскировали: прятали в вазы с цветами, оставляли в чемодане в кафе, в свертке в вестибюле, а к «Тати» просто подъехали на автомашине и бросили бомбу в толпу. Раздался взрыв, шесть человек убиты, а виноватыми считаются ливанские террористы, а конкретнее – «клан Абдаллы».

Так и видишь теперь вспоминая: высокая монпарнасская башня над метро и вокзалом, магазины роскошного платья на её первом этаже, пустота торгового помещения, а в паре сотен метров, рядом с «Тати» целый день не поднимает голову человек на тротуаре. Рядом с ним плакатик, объясняющий, что вынудило его выйти попрошайкой на тротуар. А люди спешат, одни сторонятся, другие привыкли, и он безмолвно взывает к ним, не показывая лица.

«Зачем убийцам дестабилизировать французскую демо-

кратию? – спрашивает еженедельник „Нувель обсерватер“. – Чтобы спровоцировать приход к власти крайне правых, ксенофобов и антиарабов, которые восстановят смертную казнь и приступят к массовому выселению иностранцев?»

Этой весной к власти уже пришла коалиция правых во главе с мэром Парижа Жаком Шираком. Левые силы были потеснены. В парламенте появились и ультраправые во главе с Ле Пеном из «Национального фронта». Началась денационализация, отмена контроля над увольнениями. Ле Пен назвал направляющей оружие террористов «руку Москвы» и потребовал после взрыва в «Тати» создания «правительства общественного спасения». В дыму взрывов, в обстановке страха и паники правые прокладывали свой жесткий курс.

Страх поселился на улицах Парижа. Проверяются сумки у входов в магазины, в кафе. Где взорвётся следующая бомба? Мы волнуемся вместе с парижанами, хотя мы от них за тысячи километров, в Москве.

Двадцать лет спустя

На октябрьскую встречу в Москву стороны прибыли не с пустыми руками. Среди проработок и французское представление о конструкции на внешней оболочке станции, нарисованное машиной. До чего же оно было далеко

от действительности, хотя бы от рисунка в журнале «Наука и жизнь», аксонометрии, иллюстрации к статье директора пилотируемых международных программ Ю. П. Семёнова и инженера-проектанта Л. А. Горшкова. По просьбе французской делегации каждый участник встречи получил по журналу. Но как далека реальность от схемы, так же, как порой несопоставимы «наука и жизнь».

Нам приходилось выполнять десятки разных стыковок, и прежде всего в языке. Библейская притча о сооружении Вавилонской башни взяла в основу миф о многонациональном крупном сооружении. Возможно, реальные события послужили основой мифа. Иранское информационное агентство сообщило

о решении восстановить легендарный Вавилон. Он был, утверждают раскопки, четыре тысячи лет на берегу Евфрата. Уже обнаружили основание великой Вавилонской башни.

По мифу, реальная божественная кара заключалась в наказании разноязычем: «Смешали язык их, чтобы один не понимал другого». Строители башни так и не смогли до-

говориться, и началось знаменитое вавилонское столпотворение. Теперь мы поступаем вопреки библейской притче – разноязыкие возводят «башню до небес».

Но в чём проблема? Нужен язык – учи. Даже муравьи обучаются языку. Установлено, что они делятся друг с другом сведениями и учат язык. Он не известен муравьям от рождения и прививается воспитанием. Словом, было бы желание и время, и обучить можно даже муравья. У нас же, к сожалению, времени не было. Не было и уверенности, что ты поедешь в следующий раз; все в этой части было зыбко и зависело от многих причин.

В мире, сначала опять-таки не у нас, появились уже языковые компьютеры, выполняющие синхронный перевод. Правда, лексикон их ограничен и обязательно обучение пониманию голоса пользователя. Но, как говорится, «лиха беда начало», вот-вот появятся эрудиты компьютеры-переводчики, а пока с нами работали высокооплачиваемые синхронные переводчики.

Словарь космонавтики создавался первоначально на русском. В нём много русских слов. Однако в технике, и особенно во время космического полета, необходимо однозначное понимание. И хотя партнеры, возможно, читают мысли друг друга, необратимость многих операций не позволяет использовать приблизительный смысл. К тому же звучание на чужом языке не всегда правильно истолковывается. Ещё Вяземским был описан иностранец, пытавшийся о смысле су-

дить по звучанию. Так, например, ему слово «телятина» показалось нежным обращением к женщине, а слово «дружнице» он посчитал грубым ругательством.

Разночтения недопустимы, и нужен единый полётный язык, которым стал русский. И нам пришлось неустанно править русский перевод. Тогда, в октябре, начиная, мы буксовали в словесных ухабах. Мы формулировали предложения по-русски, затем французы брались за текст, и часто смысл уходил. Мы снова начинали попытку текстового сближения. Выходило мучительно медленно в условиях острого дефицита времени. Так получалось до тех пор, пока не возникло взаимное доверие, и мы не пришли к простой и полезной мысли, что каждый язык найдёт свои точные выражения, передающие смысл. Ведущим здесь станет русский, полётный, тогда французский будет справочным, вспомогательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.